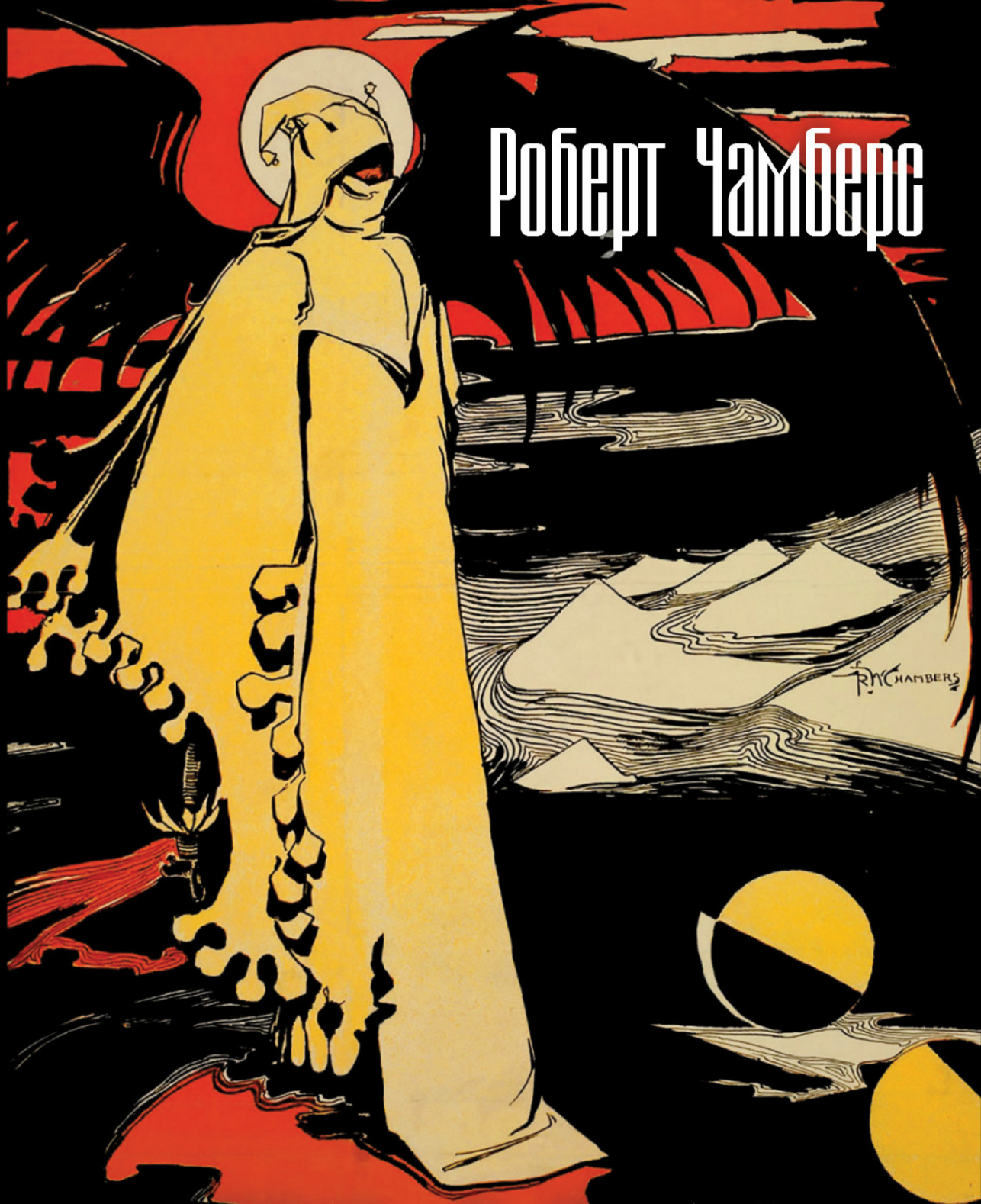

Horror Story

Роберт Чамберс

КОРОЛЬ В ЖЕЛТОМ

БИБЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА

Horror Story (Рипол)

Роберт Чамберс
Король в Желтом

«РИПОЛ Классик»

1895

УДК 821.111(73)
ББК 84(7(Сое)5-44

Чамберс Р. У.

Король в Желтом / Р. У. Чамберс — «РИПОЛ Классик»,
1895 — (Horror Story (Рипол))

ISBN 978-5-386-14566-8

Начало альтернативного XX века. Во всех городах Соединенных Штатов гуманное правительство открывает Дворцы Смерти для желающих свести счеты с жизнью. Запрещенная к распространению богохульная пьеса «Король в Желтом» вызывает эпидемию душевных расстройств. В Америке и Европе люди видят тревожные сны, наблюдают странные совпадения, спасаются от преследований. Предание о божественно прекрасной Каркозе оживает на страницах величайшего цикла рассказов конца XIX – начала XX века. Вселенная «Короля в Желтом» в разное время вдохновляла таких авторов, как Говард Лавкрафт, Стивен Кинг и Хорхе Луис Борхес. Воспроизведена композиция первого американского издания 1895 года.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7(Сое)5-44

ISBN 978-5-386-14566-8

© Чамберс Р. У., 1895
© РИПОЛ Классик, 1895

Содержание

Под маской Короля	6
Реставратор репутаций	10
I	11
II	16
III	23
Маска	31
I	32
II	35
III	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роберт Чамберс Король в Желтом

Перевод с английского К. В. Воронцовой

В оформлении обложки использована иллюстрация Роберта Чамберса

Horror Story

Серия «Horror Story: Библиотека Лавкрафта»

© Воронцова К. В., перевод на русский язык, послесловие, 2021

© Алексей Лотерман, вступительная статья, 2021

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Под маской Короля

Камилла: Вы, господин, должны снять маску.

Незнакомец: В самом деле?

Кассильда: В самом деле, пришло время...

«Король в Желтом». Акт 1, Сцена 2.

Роберт Уильям Чамберс (Robert William Chambers) родился 26 мая 1865 года в Бруклине, в семье юриста Уильяма Чамберса и Кэролайн Смит Боутон, происходившей из потомков Роджера Уильямса, изгнанного за ересь из штата Массачусетс и основавшего город Провиденс. Он получил образование в бруклинском Политехническом институте, но, проявляя сильную тягу к искусству, вступил в Лигу студентов-художников Нью-Йорка, а затем в 1886 году отправился во Францию, где поселился в Латинском квартале Парижа, продолжив обучение в Школе изящных искусств и Академии Жюлиана. Работы молодого художника имели определенный успех и выставлялись на престижном парижском Салоне 1889 года, принеся ему некоторую известность. После возвращения на родину в 1893 году Чамберс открыл небольшую студию и продолжил заниматься живописью, продавая свои иллюстрации еженедельникам *«Vogue»*, *«Truth»* и *«Life»*, а затем и вовсе устроился корреспондентом в одну из нью-йоркских газет.

Но уже в следующем 1894 году Чамберс издал свой дебютный мелодраматический роман «В квартале» (*«In the Quarter»*), основанный на его воспоминаниях о студенческих деньках и посвященный жизни художников Латинского квартала, их взлетам и падениям, отношениям и судьбам. Опубликованный анонимно, роман не принес ни известности, ни денег, но был встречен читателями и критиками довольно тепло, что воодушевило начинающего автора, и из-под его пера начали выходить уже целые сборники рассказов, наиболее примечательные из которых: «Создатель Лун» (*«The Maker of Moons»*, 1896), «Тайна выбора» (*«The Mystery of Choice»*, 1897), «В поисках неизвестного» (*«In Search of the Unknown»*, 1904), «Искатель потерянных людей» (*«The Tracer of Lost Persons»*, 1906), «Небесное древо» (*The Tree of Heaven*, 1907), «Полиция!!!» (*«Police!!!»*, 1915), «Темная звезда» (*«The Dark Star»*, 1917), «Губитель душ» (*«Slayer of Souls»*, 1920) и многие другие.

Чамберс публиковал по одной, а то и несколько книг в год. Он работал каждый день и писал о том, что было интересно ему и его читателям, – в общем, на темы, волновавшие часть общества. Он наполнял свои истории элементами романтики, юмора, приключений, детектива, фантастики и истории, добавляя яркие описания природы Бретани и лесов штата Нью-Йорк, охоты и рыбалки, беззаботной жизни молодых аристократов и влюбленных в них хорошеньких девушек – всего того, что так любил и чем жил. После рождения сына в 1899 году Чамберс обратился к детской литературе, издав в период в 1902–1907 годов шесть сборников рассказов, а погрузившись с головой в светскую суету, он принялся сочинять пресловутые светские романы. В то же время Чамберс пробовал свои силы в драматургии, начав с либретто «Ведьма Эллангована» (*«The Witch of Elliangowan»*) по роману Вальтера Скотта «Гай Мэннеринг, или Астролог» (*«Guy Mannering or The Astrologer»*, 1815) для постановки на сцене бродвейского «Театра Дейлис» в 1897 году. Пьеса имела успех у публики, и, воодушевленный открывшимися перспективами, Чамберс продолжил работу, но его начавшуюся карьеру прервала смерть директора театра Джона Августина Дейли. Бросив драматургию, он вернулся к ней лишь в 1913 году с либретто для оперы «Иола» (*«Iole»*) по своему одноименному роману 1905 года, а в 1918 году занялся работой в кинематографе и спустя пару лет совместно с продюсером Мессмором Кендаллом основал киностудию.

На протяжении всей своей жизни Чамберс оставался одним из самых известных авторов Америки, его новые книги выходили по несколько раз в год и разлетались с полок магазинов

столь стремительно, что вызывали зависть менее популярных писателей и раздражение литературных критиков. Рассказы Чамберса публиковались в журналах целыми сериями, а некоторые романы становились бестселлерами и издавались сотнями тысяч экземпляров; в конечном счете его библиография составила более восьми десятков томов. Роберт Чамберс скончался на 68-м году жизни 16 декабря 1933 года и был погребен под старым дубом возле семейного поместья в Бродальбин, а затем перезахоронен на Мейфилдском кладбище, где покоились его родители, а после упокоились и жена Элси Вон Моллер с единственным сыном Робертом Хастедом. Оставшийся так и не законченным последний роман «Дым битвы» (*«Smoke of Battle»*, 1934) был доработан Рупертом Хьюзом, близким другом, редактором, критиком и в какой-то мере единственным биографом Чамберса.

Но как ни парадоксально, столь плодотворный писатель мог быть совершенно забыт, если бы не его первый сборник рассказов «Король в Желтом» (*«The King in Yellow»*), изданный в 1895 году. Именно эта книга, посвященная любви и безумию, принесла Чамберсу не столько прижизненную, сколько посмертную известность, оказавшись настоящей ранней жемчужиной его творчества. Из вошедших в нее десяти историй, четыре последние продолжили мотивы «В квартале», повествуя о жизни художников и связывая их судьбы с той или иной улицей Парижа: «Улица Четырех Ветров» (*«The Street of the Four Winds»*) – о художнике, в чью студию приходит кошка, которая затем приводит его к своей хозяйке; «Улица Первого Снаряда» (*«The Street of the First Shell»*) – о студентах Латинского квартала, пытающихся пережить осаду Парижа франко-прускими войсками; «Улица Богоматери Полей» (*«The Street of Our Lady of the Fields»*) – о настоящей любви, побеждающей общественные предрассудки; «Рю Баррэ» (*«Rue Barree»*) – о загадочной и неприступной девушке с вечно перекрытой улицы. Им предшествуют небольшая мистическая баллада «Мадемуазель д'Ис» (*«The Demoiselle d'Ys»*), о путешественнике, заблудившемся в бретонских пустошах и во времени, и стихотворения в прозе «Рай пророков» (*«The Prophets' Paradise»*) – аллегорические сценки по мотивам остальных текстов, вошедших в сборник.

Но только четыре первых рассказа «Короля в Желтом» объединены темой загадочной и сводящей с ума пьесы, давшей название самому сборнику: «Реставратор репутаций» (*«The Repairer of Reputations»*), рассказывающий о человеке, убежденном, что является наследником Короля в Желтом; «Маска» (*«The Mask»*) – о любовном треугольнике между художником, натурщицей и скульптором, открывшим химический состав, способный превращать живую материю в мрамор; «Во дворе Дракона» (*«In the Court of the Dragon»*) – об архитекторе, преследуемом церковным органистом и своим прошлым; «Желтый Знак» (*«The Yellow Sign»*) – о художнике и его натурщице, мучающихся кошмарами, в которых присутствует жуткий, похожий на раздувшегося могильного червя церковный сторож. Именно в этих историях Чамберс упоминает город-призрак Каркозу, звезды Гиад и Альдебаран, имена Алара, Хали и Хастура: это последнее в одном случае выступает в качестве титула или имени человека, в другом – как топоним, а в третьем – как название некоего небесного тела. Все эти имена и названия Чамберс заимствует из творчества великого американского писателя Амброза Бирса, в частности, из рассказов «Житель Каркозы» (*«An Inhabitant Of Carcosa»*, 1886), повествующем о населенных призраками прошлого руинах когда-то величественного города, и «Пастух Гаита» (*«Haïta. The Shepherd»*, 1891) – о юном пастушке, который ежедневно возносит смиренные молитвы богу Хастуру, дарящему ему свое покровительство и мимолетное мгновение счастья. Но Чамберс не просто заимствовал эти образы, мотивы, имена и названия: он создал с их помощью невероятно сильную атмосферу тайны; здесь решаются судьбы его персонажей. Используя литературный прием «ненадежного рассказчика», усиленный моментом недосказанности, Чамберсу удалось мастерски размыть грань между действительностью и фантастическими видениями, порожденными болезненным сознанием, позволяя самому читателю ощутить то тяготящее состояние, которое возникает у героев сборника после прочтения проклятой пьесы.

В «отрывках» самой пьесы, которые Чамберс приводит в сборнике, можно заметить сильное влияние мотивов и символов рассказа Эдгара По «Маска Красной Смерти» (*«The Masque of the Red Death»*), написанного в 1842 году. Облик Короля в желтых изорванных одеяниях и бледной маске, несомненно, берет свое начало в образе Красной Смерти, предстающей перед принцем Просперо в виде закутанного в кровавый саван мертвеца, что предвещает неминуемую гибель всему живому. Чамберс лишь изменил цвет (который он прекрасно чувствовал как художник) – с красного на желтый, цвет королей, солнца и золота, обозначающий болезненность, безумие и упадок, а также олицетворявший «желтые девяностые», как называли во французском искусстве и литературе 1890-х годов эпоху расцвета декадентства.

Во время своей учебы во Франции Чамберс был хорошо знаком с парижскими декадентами, и это отразилось на его первых пробах пера, а также на образе вымышленной пьесы. Особое влияние на него оказало творчество таких известных поэтов и драматургов, как бросившее вызов общественной морали собранию стихотворений Шарля Бодлера «Цветы зла» (*«Les Fleurs du mal»*, 1857, с доп. 1868) и «Парижский сплин» (*«Le Spleen de Paris»*, 1869); рассказы «Сумасшедший» (*«Un fou»*, 1885) и «Письмо безумца» (*«Lettre d'un fou»*, 1885), а также повесть «Орля» (*«Le Horla»*, 1886, с доп. 1887), написанные Ги де Мопассаном в период, когда им стало овладевать сумасшествие; сатирическая пьеса «Король Убю» (*«Ubu Roi»*, 1896) Альфреда Жарри, изложенная по-юношески простым и весьма резким языком и впервые поставленная во второй половине 1890-х; рассказ Марселя Швоба «Король в золотой маске» (*«Le Roi au masque d'or»*) из одноименного сборника 1892 года; а также, вероятно, некоторые из «Историй пьющего эфир» (*«Contes d'un buveur d'ether»*) опубликованных Жаном Лорреном в 1895 году. Всех этих авторов связывали общее знакомство и реакция публики на их произведения: нападки критиков и запреты на публикацию.

Еще одной знаковой фигурой, оказавшей несомненное влияние на Чамберса, был печально известный эстет и прославленный поэт Оскар Уайльд, сочинивший в 1891 году пьесу «Саломея» (*«Salomé»*, 1983). Ее лондонское издание (пьеса была переведена с французского на английский язык) 1894 года, содержащее эротизированные иллюстрации Обри Бердсли, вызвало настоящий скандал и запрет на постановку в театре из-за трактовки Уайльдом библейской истории; автор не просто наделил иудейскую царевну чертами *femme fatale*, но и сделал ее самостоятельным персонажем и главным действующим лицом пьесы. В истории нападок на «Саломею» сложно не заметить параллелей с тем, как Чамберс описывал запреты и преследования «Короля в Желтом» в своем «Реставраторе репутаций». А в образе вероятного автора проклятой пьесы (все из того же рассказа), вынужденного скрываться под явно вымышленным именем Мистер Уайльд, прослеживается намек на имя и судьбу самого Оскара Уайльда, прошедшего последние годы жизни в изгнании, безвестности и бедности под именем Себастьян Мельмот, взятым им из романа Чарльза Метьюрина «Мельмот Скиталец» (*«Melmoth the Wanderer»*, 1820).

В разговоре о «Короле в Желтом» следует упомянуть Говарда Лавкрафта, который высоко отзывался о сборнике Чамберса в своем литературоведческом эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» (*«Supernatural Horror in Literature»*, 1927). Особенно он отметил рассказ «Желтый Знак», который в одном из писем назвал «самым захватывающим произведением Чамберса и вообще одной из величайших странных историй, когда-либо написанных». В другом своем эссе того же года «История „Некрономикона“» (*«The History of the Necronomicon»*) Лавкрафт связал свой легендарный манускрипт «Некрономикон» и пьесу «Король в Желтом». Для него было очевидно, что образы двух запретных книг, несущих ужас, безумие и даже смерть, имеют общую природу и, пусть этих книг и не существует в действительности, они затрагивают в душе читателей одни и те же тонкие струны *страха перед неведомым*, истоки которого лежат в глубине человеческого сознания.

Этих небольших упоминаний о Чамберсе в работах Лавкрафта оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить циклу рассказов неугасающее внимание на десятилетия вперед и подлинное бессмертие. «Король в Желтом» оказал определенное влияние как на позднее творчество самого Лавкрафта, так и на произведения множества других известных авторов, среди которых были Мэрион Зиммер Брэдли, Джордж Р. Р. Мартин, Терри Пратчетт и Нил Гейман, Стивен Кинг, Саймон Грин, Кливленд Моффет, Эллен Глазгоу, Рэймонд Чандлер, Сидни Леветт-Йейтс, Гастон Леру, Томас Пинчон и даже Хорхе Луис Борхес. Наконец сборник Чамберса породил целое направление в жанре «странных историй» (*weird tales*), получивших названия «Цикл Каркозы» («*Carcosa Cycle*») и «Желтые Мифы» («*Yellow Mythos*»). В его развитие внесли свой вклад такие писатели, как Август Дерлет, Лин Картер, Джеймс Блиш и Карл Эдвард Вагнер, чьи произведения вошли в «Цикл Хастура» («*The Hastur Cycle*», 1993) Роберта Прайса: эта книга стала первой в ряду сборников, которые в разное время составляли и издавали Питер Урти, Д. Дж. Тайрер, Тим Каррэн, Джеймс Чамберс и, в особенности, Джозеф Пульвер. Они собирали сочинения разных авторов, продолживших традиции «Короля в Желтом», – сочинения о всевозможных несчастных, беспечно прочитавших проклятую пьесу и навсегда утративших покой, погрузившись в пучины безумия. Вместе с тем Блиш и Картер, а также другие авторы, среди которых Саймон Бухер-Джонс, Том Ринг, Раймонд Лефебр и прочие писатели-любители, даже попытались воссоздать текст пьесы. Но ни одна из таких реконструкций все же не способна оказать на читателя эффекта, которого удалось добиться Чамберсу окутывающей пьесу атмосферой таинственности и неопределенности.

Литературную и общекультурную значимость «Короля в Желтом», ныне культового произведения, сложно переоценить. Но, несмотря на это, созданный в 90-е годы XIX века цикл рассказов оставался *terra incognita* для русскоязычной публики вплоть до 90-х годов последующего столетия; только в это время стали появляться первые переводы отдельных рассказов. И вот, наконец, в руках отечественного читателя находится полное издание «Короля в Желтом» на русском языке... Рискнет ли он погрузиться в самые сокровенные глубины декадентского безумия, сокрытого под бледной маской?

Алексей Лотерман

«Король в Желтом»
Посвящается моему брату

Реставратор репутаций

Где в берег мгла волною бьет,
Два солнца тонут, бездна ждет,
Растут лишь тени
В снах Каркозы.

Ткут звезды черные лучи
В круженье диких лун в ночи,
Страшат сильнее
Сны Каркозы.

Где ветер, сомкнув уста Гиад,
Кричит в лохмотьях Короля,
И смерть немеет
Пред Каркозой.

Пean души, мой голос мертв,
Неспетый, не исторгнешь слез
Из глаз, ослепших
В снах Каркозы.

Песнь Кассильды. «Король в Желтом».
Акт 1. Сцена 2.

I

*«Ne raillons par les fous; leur folie dure plus longtemps que la nôtre...
Voilà toute la différence»¹.*

К концу 1920 года правительство Соединенных Штатов Америки практически завершило программу, принятую в последние месяцы правления президента Уинтропа. Страна была совершенно спокойна. Каждый знал, как решились вопросы тарифов и занятости. Война с Германией и захват ею островов Самоа не оставили республике видимых шрамов, а временная оккупация Норфолка армией неприятеля забылась вследствие непрерывных морских побед и последующего нелепого положения сил генерала фон Гартенлаубе в штате Нью-Джерси. Кубинские и гавайские капиталовложения окупались на сто процентов, а территория Самоа оправдала затраченные усилия в качестве угольного порта. Страна была превосходно защищена. Каждый прибрежный город имел отличные фортификационные сооружения, армия, организованная по прусской системе, под отеческим взглядом генерального штаба увеличилась до трехсот тысяч человек с территориальным резервом в миллион. Шесть прекрасных эскадр крейсеров и линкоров патрулировали судоходные моря с шести военно-морских баз, оставив столько паровых машин, сколько требовалось для поддержания порядка в домашних водах. Джентльмены с Запада были вынуждены наконец признать, что колледж для дипломатов так же необходим, как и правовые кафедры для юристов, поэтому за границей нас больше не представляли невежественные патриоты. Нация процветала. Чикаго, на миг парализованный после второго великого пожара, восстал из пепла, светлый и царственный, еще прекрасней, чем тот белый, словно игрушечный город, который был построен в 1893-м. Повсюду хорошая архитектура сменила дурную, и даже в Нью-Йорке внезапная тяга к благопристойности смела прочь огромное количество некогда имевших место ужасов. По указу городских властей улицы были расширены, должным образом вымощены и освещены; во множестве сажали деревья и разбивали скверы; почти все эстакады были уничтожены, их заменяли подземные дороги. Здания и казармы нового правительства являли собой прекрасные образцы архитектуры, а длинные каменные набережные, полностью окружавшие остров, превратились в парки, ставшие благословением для горожан. Средства, выделенные на городской театр и оперу, окупались. Национальная Академия дизайна США во многом была похожа на аналогичные европейские институты. Никто не завидовал министру искусств, ни его положению, ни должности. Министру лесного хозяйства и охраны дикой природы стало гораздо легче жить и работать: спасибо новому устройству национальной конной полиции! Последние соглашения с Францией и Англией здорово обогатили нас, а изгнание рожденных за границей евреев стало мерой самосохранения. Контроль иммиграции, учреждение нового независимого негритянского штата Суани, новые законы, касающиеся натурализации, и постепенное усиление исполнительной власти – все это способствовало покою и процветанию народа. Когда правительство решило проблему индейцев и эскадры их конных разведчиков в национальных костюмах были сформированы на мелкие группы, присоединенные к остаткам полков бывшим военным министром, нация вздохнула с облегчением. Когда после грандиозного конгресса религий фанатизм и нетерпимость были повержены в прах, а доброта и благотворительность стали сближать прежде непримиримые секты, многие думали, что настал золотой век, по крайней мере в Новом Свете, который, как известно, сам по себе есть целый мир.

¹ «Не насмехайтесь над дураками, их безумие тянется дольше нашего... Вот и вся разница». – Здесь и далее примечания переводчика.

Но самосохранение – первый закон, и Соединенным Штатам пришлось с бессильной скорбью смотреть, как Германия, Италия, Испания и Бельгия корчились в муках анархии, пока Россия, взирая с Кавказа, унижала и захватывала их, одну за другой.

Лето 1899 года в Нью-Йорке было ознаменовано демонтажем железных дорог на эстакадах. Надолго останется в памяти горожан и лето 1900-го – в том году убрали статую Доджа, а зимой началась агитация за отмену законов, запрещающих самоубийство. Она принесла плоды к апрелю 1920-го, когда первый Правительственный Дворец Смерти открылся на Вашингтон-Сквер.

В тот день я спускался по Мэдисон-авеню от дома доктора Арчера, которого посещал из пустой формальности. После падения с лошади четыре года назад меня время от времени беспокоили боли в затылке и шее, но сейчас их не было уже несколько месяцев, и доктор отослал меня прочь, сказав, что я здоров и больше лечить нечего. Его слова едва ли стоили гонорара: все это я знал и сам, но, несмотря ни на что, не жалел для него денег. Мне вспомнилась ошибка, которую он совершил в первую нашу встречу. Когда меня подняли с мостовой, на которой я лежал без сознания, и кто-то милостиво пустил пулю в голову моей лошади, меня перенесли к доктору Арчеру. Он, провозгласив, что мой мозг поврежден, поместил меня в собственную частную клинику, где я был вынужден лечиться от помешательства. Наконец, он решил, что со мной все в порядке, а я, зная, что мой рассудок так же здоров, как и его, если не более, «оплатил обучение», как он шутливо это называл, и отбыл. Я сказал ему, улыбаясь, что рассчитаюсь с ним за ошибку, а он сердечно рассмеялся и попросил заходить время от времени. Я так и сделал, в надежде свести с ним счеты, но он не дал мне шанса, и я сказал, что подожду.

Падение с лошади, к счастью, не принесло мне вреда. Напротив, оно изменило мой характер к лучшему. Прежде лентяй и прожигатель жизни, я стал активным, энергичным, сдержанным и, помимо прочего – всего прочего, – амбициозным. Лишь одна вещь беспокоила меня. Я смеялся над собственной тревогой, но она не исчезала.

Во время моего выздоровления я купил и впервые прочел «Короля в Желтом». Помню, после первого акта мне стало ясно, что лучше остановиться. Я вскочил и швырнул книгу в камин. Том ударился о каминную решетку и, открывшись, упал на плиту перед ней, застыв в отсветах пламени. Не взгляни я на эпиграф второго акта, я никогда не вернулся бы к «Королю в Желтом», но стоило мне наклониться за ним, как мой взор приковала открытая страница, и с криком ужаса или восторга, столь острого, что он отдавался в каждом нерве, я выхватил книгу из пышущих жаром углей и, дрожа, прокрался в свою спальню, где читал и перечитывал ее, и смеялся, и трясся от ужаса, который и по сей день терзает меня. Вот – источник моей тревоги, ибо я не могу забыть Каркозу, где в небесах висят черные звезды, тени людских мыслей растут в сумерках, а два солнца – два близнеца – тонут в озере Хали. Мой разум навек отравлен воспоминанием о Бледной Маске. Я молю Бога проклясть писателя, как тот проклял наш мир своим прекрасным и дивным творением, ужасающим в своей простоте и неопровержимым в своей истинности – мир, который теперь дрожит перед Королем в Желтом. Когда французское правительство конфисковало тираж перевода, только что прибывшего в Париж, Лондон, конечно, тотчас же захотел его прочесть. Хорошо известно – книга распространялась как лихорадка, из города в город, с континента на континент, запрещенная здесь, конфискованная там, заклеенная прессой и проповедниками, порицаемая даже литературными анархистами. Эти нечестивые страницы не нарушали никаких конкретных законов, не пропагандировали никакой доктрины, не содержали нападок и обвинений. Их нельзя было осудить, согласно любым известным стандартам, но, признавая совершенство «Короля в Желтом», все чувствовали: услышав музыку его сфер, душа не способна ни вынести напряжения, ни насладиться игрой слов, ибо в них таится чистейший яд. Простота и невинность первого акта лишь усиливали грядущий удар, делая его еще ужасней.

На дворе стоял 1920 год, 13 апреля; именно в этот день, насколько я помню, первый правительственный Дворец Смерти открыли на южной стороне Вашингтон-Сквер, между Вустер-стрит и Пятой авеню. Квартал, прежде состоявший из кучки ветхих домишек – кафе и ресторанчиков для иностранцев, – был куплен правительством зимой 1898-го. Французские и итальянские забегаловки были снесены, весь район окружен позолоченной железной оградой и превращен в милый сад с лужайками, цветами и фонтанами. В его центре стояло маленькое белое здание, выполненное в строгом классическом стиле и утопающее в цветах. Шесть ионических колонн поддерживали крышу, входом служила единственная бронзовая дверь. У входа стояли «Мойры» – великолепная мраморная группа, работа молодого американского скульптора Бориса Ивэйна, умершего в Париже в возрасте всего лишь двадцати трех лет.

Открытие было в самом разгаре, когда я пересек Университи Плейс и оказался на площади. Я шел сквозь притихшую толпу, пока на Четвертой улице путь мне не преградил полицейский кордон. Полк американских улан выстроился в каре вокруг Дворца Смерти. На высокой трибуне, обращенной к парку Вашингтона, стоял губернатор Нью-Йорка, за ним – одной большой группой – мэр Нью-Йорка и Бруклина, генеральный инспектор полиции, главнокомандующий войска США полковник Ливингстон, военный помощник президента Соединенных Штатов генерал Блаунт, управляющий островом Говернорс генерал-майор Гамильтон, командующий гарнизоном Нью-Йорка и Бруклина адмирал флота Норт-ривер Блаффби, начальник медицинского управления армии генерал Лэнсфорд, сотрудники национального социального госпиталя, нью-йоркские сенаторы Уайс и Франклин и инспектор общественных работ. Трибуну окружал эскадрон гусар национальной гвардии.

Губернатор отвечал на краткую речь Лэнсфорда. Я слышал его слова:

– Законы, запрещающие суицид и предусматривающие наказание за любую попытку саморазрушения, отменены. Правительство признало право человека на прекращение жизни, которая может стать нестерпимой из-за физических страданий или душевных мук. Мы верим, что общество только выиграет, избавившись от таких людей. С момента принятия этого закона количество самоубийств в Соединенных Штатах не возросло. Ныне правительство постановило открыть Дворцы Смерти во всех городах страны, больших и малых, равно и в сельской местности. Теперь посмотрим, как создания, чьи мрачные ряды день за днем покидают жертвы собственного отчаянья, примут предложенную им руку помощи.

Он помедлил и повернулся к белому зданию. Стояла полная тишина.

– Всякого, кто устал от печалей жизни, здесь ждет безболезненная смерть. Если гибель желанна человеку, он найдет ее за этой дверью. – Затем, резко развернувшись к военному помощнику президента, губернатор сказал: – Объявляю Дворец Смерти открытым. – И, вновь обращаясь к огромной толпе, отчетливо провозгласил: – Жители Нью-Йорка и Соединенных Штатов Америки, как представитель правительства я объявляю Дворец Смерти открытым!

Торжественную тишину прервал резкий выкрик – по команде эскадрон гусар последовал за экипажем губернатора, уланы, растянувшись цепью по Пятой авеню, ждали командующего гарнизоном, конная полиция выстроилась за ними. Я оставил толпу, глазающую на беломраморный Дворец Смерти, пересек Пятую авеню и зашагал по западной стороне оживленной улицы к Бликер-стрит. Повернув направо, я остановился у грязной лавочки с вывеской:

Хауберк, Оружейник

Я заглянул внутрь и увидел Хауберка, возившегося с чем-то в дальнем уголке маленькой залы. Он поднял глаза и, заметив меня, закричал низким, душевным голосом:

– Входите, мистер Кастейн!

Констанция, его дочь, поднялась мне навстречу, едва я переступил порог, и протянула свою изящную руку, но я видел румянец досады на ее щеках и знал, что она ждала другого Кастейна, моего кузена Луиса. Я улыбнулся ее смущению и похвалил вышивку – знамя, которое она копировала с цветного нагрудника. Старый Хауберк латал помятые поножи каких-то древних доспехов, и тинь, тинь, тинь его молоточка мелодичным звоном разносилось по необычной лавке. Вдруг он отложил инструмент и с секунду возился с гаечным ключом. Мягкий лязг брони отдавался во мне дрожью наслаждения. Я любил музыку, рождавшуюся, когда сталь била о сталь, приглушенные удары деревянного молотка по набедренникам и звон кольчуги. Это была единственная причина, по которой я навещал Хауберка. Он никогда не интересовал меня сам по себе, как и Констанция, исключая тот факт, что они с Луисом любили друг друга. Их связь занимала меня, порой настолько, что я не мог уснуть. Но в глубине души я был уверен: все пройдет должным образом, надо только позаботиться об их будущем так же, как я собирался устроить будущее моего доброго доктора, Джона Арчера. Впрочем, в тот день я ни за что не стал бы утруждать себя визитом к Хауберкам, если бы, напомним, звон молотка не имел надо мной странной власти. Я часами мог сидеть у них и слушать, слушать... Вид одинокого солнечного луча, упавшего на инкрустированную сталь, потрясал меня. Взгляд останавливался, зрачки расширялись от удовольствия, столь сильного, что нервы едва не рвались от напряжения, пока старый оружейник не менял позы, закрывая собой золотое пятно. Тогда, все еще полный тайного трепета, я откидывался назад и вновь слушал, как тряпка – шурх, шурх – стирает ржавчину с заклепок.

Констанция вышивала с пальцами на коленях, останавливаясь снова и снова, чтобы получше рассмотреть узор на цветном нагруднике из музея Метрополитен.

– Для кого это? – спросил я.

Хауберк объяснил, что помимо ухода за прекрасными доспехами музея – его непосредственной работы – он следит за состоянием нескольких коллекций, принадлежащих богатым любителям. Это – пропавший наголенник знаменитого доспеха, который его клиент нашел в маленькой лавочке в Париже на набережной Орсэ. Он, Хауберк, заключил договор и починил его. Теперь латы собраны полностью. Он отложил молоточек и рассказал мне историю доспеха, менявшего хозяев с 1450 года и наконец приобретенного Томасом Стейнбриджем. Когда его превосходная коллекция была продана, клиент Хауберка купил доспех, и с той поры они искали пропавший наголенник, пока, почти случайно, не обнаружили его в Париже.

– Вы продолжали поиски так настойчиво, не имея ни малейшей уверенности, что этот наголенник еще существует? – с жаром спросил я.

– Конечно, – спокойно отвечал Хауберк.

Только теперь он заинтересовал меня как личность.

– Это принесло вам деньги? – настаивал я.

– Нет, – сказал Хауберк, смеясь, – мне было достаточно удовольствия от самого поиска.

– Вы не стремитесь разбогатеть? – спросил я, улыбаясь.

– Единственное, к чему я стремлюсь, – стать лучшим оружейником в мире, – ответил он вполне серьезно.

Констанция спросила, видел ли я открытие Дворца Смерти. Сама она заметила конницу, поднимавшуюся по Бродвею утром, и мечтала посетить торжество, но ее отец хотел, чтобы она закончила знамя, и ей пришлось остаться дома.

– Вы видели там вашего кузена, мистер Кастейн? – спросила она с едва заметным трепетом нежных ресниц.

– Нет, – беззаботно ответил я. – Полк Луиса сейчас на маневрах в округе Уэстчестер.

Я поднялся, взял шляпу и трость.

– Вы собираетесь подняться наверх и снова навестить этого безумца? – засмеялся старый Хауберк. Если бы он знал, как ненавижу я это слово, то никогда не стал бы использовать его в

моем присутствии. Оно пробуждает во мне определенные чувства, о которых я не хочу говорить. Как бы то ни было, я ответил ему тихо:

– Думаю заскочить к мистеру Уайльду на пару секунд.

– Несчастный, – сказала Констанция, качая головой. – Должно быть, трудно жить в одиночестве, год за годом, бедному, искалеченному, почти помешанному. Вы очень добры, мистер Кастейн, что навещаете его так часто.

– Я считаю, он отвратителен, – заметил Хауберк, принимаясь вновь стучать молоточком.

Я слушал золотой звон по пластинкам наголенника, а когда он закончил, ответил:

– Нет. Он не отвратителен и ни в коем случае не безумен. Его разум – дивный дворец, откуда он извлекает сокровища, которые нам придется искать годами.

Хауберк засмеялся.

Я продолжал, немного нетерпеливо:

– Он знает историю как никто другой. Любая мелочь, даже совершенный пустяк, не ускользнет от его взора, его память абсолютна и настолько точна в деталях, что если бы нью-оркцы знали о существовании подобного человека, то едва ли смогли бы воздать ему должную хвалу.

– Чушь, – пробормотал Хауберк, шаря по полу в поисках упавшей заклепки.

– Неужели? – спросил я, пытаюсь справиться с охватившими меня чувствами. – Неужели чушь, когда он говорит, что бедренные щитки и набедренник эмалированных доспехов, известных всему миру как «Гербовые латы Принца», можно найти среди ржавого театрального реквизита, разбитых печей и мусора, которым погнушался бы старьевщик, на чердаке на Пелл-стрит?

Молоточек Хауберка упал на пол, но он поднял его и с полным спокойствием спросил, откуда мне известно, что бедренные щитки и левый набедренник пропали из «Гербовых лат Принца».

– Я не знал ничего, пока мистер Уайльд не упомянул об этом вчера. Он сказал, они на чердаке дома девятьсот девяносто восемь по Пелл-стрит.

– Чушь! – закричал Хауберк, но я заметил, как дрожит его рука под кожаным фартуком.

– А это тоже чушь? – мягко спросил я. – Чушь, если мистер Уайльд постоянно называет вас маркизом Эйвонширом, а мисс Констанцию...

Я не закончил, ибо Констанция вскочила на ноги, ужас отразился в каждой ее черте. Хауберк посмотрел на меня и медленно разгладил кожаный фартук. – Это невозможно, – заметил он. – Мистер Уайльд может знать многое...

– О доспехах, например, и «Гербовых латах Принца», – вставил я, улыбаясь.

– Да, – медленно продолжал он. – О доспехах, возможно, но он ошибается насчет маркиза Эйвоншира. Тот, насколько я знаю, много лет назад убил негодяя, погубившего его жену, и отправился в Австралию, где ненадолго ее пережил.

– Мистер Уайльд ошибается, – прошептала Констанция. Ее губы побелели, но голос остался мягким и ровным.

– Давайте согласимся, если угодно, что в этом конкретном случае мистер Уайльд ошибается, – сказал я.

II

Я поднялся по трем полуразрушенными пролетам лестницы, которой так часто пользовался прежде, и постучал в маленькую дверь в конце коридора. Мистер Уайльд открыл мне, и я вошел.

Заперев дверь на два оборота и придвинув к ней тяжелый сундук, он приблизился и сел рядом, изучая мое лицо маленькими светлыми глазками. Полдюжины новых царапин покрывали его нос и щеки, а серебряная проволока, поддерживающая искусственные уши, сместилась. Я подумал, что никогда прежде не видел его столь гадким и притягательным одновременно. У него не было ушей. Искусственные, что ныне топорщились под углом из-за тонкой проволоки, являлись его единственным слабым местом – вылепленные из воска и окрашенные в нежно-розовый, тогда как лицо было желтым. Лучше бы он позволил себе роскошь вроде искусственных пальцев на левой руке, полностью их лишенной, но это, по-видимому, не причиняло ему неудобств. Восковые уши его устраивали. Он был почти карлик, не выше десятилетнего ребенка, впрочем, с превосходно развитыми руками, а его мощным бедрам позавидовал бы любой атлет. Но самым удивительным в мистере Уайльде, человеке невероятного ума и познаний, казалась голова – вытянутая и остроконечная, как у тех несчастных, которых запирали в лечебницы из-за слабоумия. Многие называли его помешанным, но мне было понятно: он так же здоров, как и я.

Впрочем, не отрицаю его эксцентричности. Маниакальное желание держать дома кошку и дразнить ее, пока она не кинется ему в лицо словно фурия, без сомнения, было крайне странным. Я никогда не мог понять, почему он терпел ее и что за удовольствие находил, запираясь в комнате с этой угрюмой, злобной тварью. Помню, однажды, оторвавшись от рукописи, которую изучал при свете каких-то сальных огарков, я увидел мистера Уайльда, застывшего на корточках в своем высоком кресле. Его глаза горели от возбуждения, пока кошка, поднявшаяся со своего места у печки, подбиралась, стелясь по полу, прямо к нему. Прежде чем я смог пошевелиться, она распласталась на ковре, напряглась, задрожала и прыгнула ему на лицо. Воя и исходя слюной, они катались по полу, царапая и кусая друг друга, пока кошка с воплем не юркнула под шкаф. Мистер Уайльд перевернулся на спину, его конечности подергивались и сжимались, как лапки умирающего паука. Он *и в самом деле был эксцентричен*.

Мистер Уайльд забрался в свое высокое кресло, а затем, пристально рассмотрев меня, достал гроссбух с загнутыми страницами и раскрыл его.

– Генри Б. Мэттьюс, – прочел он. – Бухгалтер в «Уисот, Уисот и К^о», продажа церковной утвари. Заходил третьего апреля. Репутация испорчена на скачках. Известен неуплатой долгов. Репутацию надо восстановить к первому августа. Гонорар пять долларов.

Он перевернул страницу и пробежал костяшками беспалой руки по исписанным мелким почерком колонкам.

– П. Грин Дьюзенбери, священник, Фэйрбич, Нью-Джерси. Репутация испорчена в Боуэри. Должна быть восстановлена как можно скорей. Гонорар сто долларов. – Он кашлянул и добавил: – Заходил шестого апреля.

– Значит, вы не нуждаетесь в деньгах, мистер Уайльд? – поинтересовался я.

– Слушайте... – Он закашлялся снова. – Миссис К. Гамильтон Честер, из Честер-парк, Нью-Йорк. Заходила седьмого апреля. Репутация испорчена в Дьеппе, Франция. Должна быть восстановлена к первому октября. Гонорар пятьсот долларов. Заметка: «К. Гамильтон Честер, капитан корабля „Лавина“, приказ вернуться домой из эскадры южных морей первого октября».

– Что ж, – сказал я, – реставрация репутаций оказалась прибыльным делом.

Его бесцветные глаза встретились с моими.

– Я всего лишь хотел доказать, что был прав. Вы говорили, преуспеть в качестве реставратора репутаций невозможно и, даже если я достигну успеха в некоторых делах, расходы превысят доходы. Сегодня в моем распоряжении пятьсот человек, я плачу им немного, но они работают с энтузиазмом, который способен породить лишь страх. Эти люди принадлежат ко всем слоям и классам общества, некоторые являются столпами наших самых тайных и привилегированных организаций, другие – опора и гордость финансового мира, прочие имеют непререкаемое влияние в мире талантов и моды. Я выбрал их на досуге из тех, кто откликнулся на мои объявления. Это легко, все они – трусы. Я мог бы утроить их число в двадцать дней, если бы пожелал. Теперь вы видите: те, кто хранит репутации наших сограждан, *у меня* в кармане.

– Они могут взбунтоваться, – заметил я.

Он потер большим пальцем обрубку ушей и поправил восковые протезы.

– Пожалуй, нет, – прошептал он задумчиво. – Я редко берусь за кнут, и лишь один раз. Кроме того, плата им по душе.

– Как же вы беретесь за кнут? – настаивал я.

На миг на реставратора стало страшно смотреть. Его глаза сузились до пары зеленых искр.

– Я приглашаю их к себе для маленькой беседы, – мягко проговорил он.

Стук в дверь прервал его, и на лице мистера Уайльда вновь появилось любезное выражение.

– Кто там? – спросил он.

– Мистер Стейлетт, – раздалось из-за двери.

– Приходите завтра, – бросил мистер Уайльд.

– Невозможно, – начал визитер, но смолк, услышав рычание мистера Уайльда.

– Приходите завтра, – повторил тот.

– Кто это был? – спросил я.

– Арнольд Стейлетт, владелец и главный редактор великого «Нью-Йоркского ежедневника». – Он побарабанил по grossбуху костяшками беспалой руки и добавил: – Я плачу ему не особо щедро, но он думает – это хорошая сделка.

– Арнольд Стейлетт! – пораженно повторил я.

– Да, – сказал мистер Уайльд, самодовольно покашливая.

Кошка, вошедшая в комнату, пока он говорил, застыла на месте и, глядя на него, зашипела. Он спустился с кресла, взял животное на руки и приласкал. Она прекратила шипеть и начала громко мурлыкать. Звук становился все более утробным по мере того, как мистер Уайльд гладил ее.

– Где записи? – спросил я.

Он указал на стол, и в сотый раз я взял стопку рукописей, озаглавленных:

«Императорская династия Америки»

Одну за другой изучал я ветхие страницы, ставшие таковыми исключительно из-за моего регулярного к ним обращения – и, несмотря на то что знал весь текст наизусть, от «Когда из Каркозы, Гиад, Хастура и Альдебарана» до «Кастейн Луис да Кальвадос, рожденный 19 декабря 1877», читал их с жадным, неослабевающим вниманием, останавливаясь, чтобы повторить некоторые части вслух, и специально задерживаясь на «Хилдред де Кальвадос, единственный сын Хилдред Кастейна и Эдит Лэндс Кастейн, первый в ряду наследников», и т. д., и т. п.

Когда я закончил, мистер Уайльд кивнул и кашлянул. – Говоря о ваших законных притязаниях... – сказал он. – Как поживают Луис и Констанция?

– Она любит его, – просто ответил я.

Кошка у него на коленях резко подскочила, пытаясь выцарапать ему глаза. Мистер Уайльд отшвырнул ее и забрался в кресло напротив меня.

– И доктор Арчер! Но это вы можете устроить, когда пожелаете, – добавил он.

– Да, – сказал я. – Доктор Арчер может подождать, но самое время увидеться с моим кузеном Луисом.

– Самое время, – повторил он.

Потом взял другой гроссбух со стола и быстро пролистал его.

– Сейчас на нашей стороне десять тысяч человек, – раздалось его бормотание. – Мы можем рассчитывать на сотню тысяч в течение первых двадцати восьми часов, а через сорок восемь поднимется *весь* штат. Страна последует за ним, а те земли, что откажутся, я имею в виду Калифорнию и Северо-Запад, лучше бы были необитаемы. Мне не стоит посылать им Желтый Знак.

Кровь ударила мне в голову, но я ответил лишь:

– Новая метла чисто метет.

– Амбиции Цезаря и Наполеона меркнут пред тем, кто не знал покоя, пока не захватил умы людей, овладев даже их нерожденными мыслями, – сказал мистер Уайльд.

– Вы говорите о Короле в Желтом, – простонал я, дрожа.

– Он – Король, которому служили императоры.

– Я готов служить ему, – ответил я.

Мистер Уайльд сидел, потирая уши искалеченной рукой.

– Возможно, Констанция не любит его, – предположил он.

Я хотел было ответить, но внезапный грохот военного оркестра, долетевший до нас с улицы, заглушил мои слова. Двадцатый драгунский полк, располагавшийся гарнизоном на горе Св. Винсента, возвращался с маневров в округе Уэстчестер в новые казармы на Ист-Вашингтон-сквер. Это был полк моего кузена – множество бравых парней в бледно-голубых тесных куртках, украшенных кружевом, фуражках и белых панталонах с желтыми двойными лампасами, в которых их ноги казались литыми. Прочие эскадроны имели копыя, на их металлических наконечниках трепетали золотые и белые флажки. Они прогарцевали под звуки полкового марша, следом ехали полковник и штаб. Лошади сталкивались и не могли разойтись, их морды качались в унисон, флажки дрожали на копьях. Драгуны, отличавшиеся прекрасной английской посадкой, загорели на полях этой бескровной кампании и были похожи на переспелые ягоды. Звон их сабель, бьющих по стремянам, позвякивание шпор и карабинов радовали мой слух. Я нашел Луиса, ехавшего вместе со своим эскадроном. Он был самым красивым офицером, какого мне только доводилось встречать. Мистер Уайльд, придвинувший кресло к окну, тоже увидел его, но ничего не сказал. Проезжая мимо, Луис повернулся и посмотрел прямо на магазин Хауберка, и я заметил румянец на его бронзовых щеках. Должно быть, Констанция стояла у окна. Когда последние драгуны с лязгом пронесли по улице и последний флажок исчез на Пятой авеню, мистер Уайльд выбрался из кресла и отодвинул сундук от двери.

– Да, – сказал он, – самое время вам встретиться с вашим кузеном Луисом.

Он отпер дверь, и я, взяв шляпу и трость, шагнул в коридор. На лестнице было темно. Спускаясь вслепую, я наступил на что-то мягкое. Раздалось шипение, и я размахнулся, чтобы нанести кошке смертельный удар, но моя трость разлетелась в щепки, сломавшись о перила, а тварь прошмыгнула в комнату мистера Уайльда.

Проходя мимо двери Хауберка, я увидел, что он все еще занят доспехом, но решил не останавливаться и, оказавшись на Бликер-стрит, прошел по ней до Вустер-стрит, обогнул Дворец Смерти, пересек парк Вашингтона и отправился напрямик в свою квартиру на Бенедик. Там я спокойно позавтракал, прочел «Геральд» и «Метеор» и, наконец, добравшись до стального сейфа в спальне, установил нужное время. Эти четыре без четверти минуты – именно столько надо было ждать, чтобы замок открылся, – казались мне лучшими в жизни. С запуска

часового механизма и до секунды, когда я брался за ручки, распахивая тяжелые стальные дверцы, я жил предвкушением. Так, должно быть, пролетают мгновенья в раю. Я знаю, что именно найду по окончании срока. Знаю, что за вещь хранит массивный сейф, хранит для меня одного, и утонченное удовольствие от ожидания едва ли возрастает, когда он открывается и я поднимаю с бархатного возвышения корону из чистого золота, сверкающую бриллиантами. Я делаю так каждый день, и все же радость от предвкушения и прикосновения к ней только усиливается. Ее красота достойна короля королей, императора императоров. Пусть этот головной убор и вызывает презрение у Короля в Желтом: он украсит чело его преданного слуги!

Я держал корону в руках, пока не прозвенел сигнал сейфа, а затем осторожно, с гордостью возвратил ее на место и закрыл стальные дверцы. Медленно вернулся в кабинет с видом на Вашингтон-парк и облокотился на подоконник. Вечерний свет сочился сквозь стекла, а ветерок играл ветвями парковых вязов и кленов, одевшихся почками и нежной листвой. Стайка голубей кружила над башней Мемориальной церкви, время от времени садясь на пурпурную черепицу крыши или опускаясь к фонтану с лотосами напротив мраморной арки. Садовники разбивали вокруг него клумбы, и свежевскопанная земля пахла сладко и остро. Газонокосилка, которую тянула толстая белая лошадь, стрекотала по зелени парка. Цистерна для поливки улиц осыпала асфальт тучей брызг. Вокруг статуи Питера Стейвесанта, которой в 1897 году заменили уroda, предположительно изображавшего Гарибальди, в лучах весеннего солнца играли дети, а молодые няньки катили усовершенствованные коляски, совсем забыв о пухленьких пассажирах, видимо, по вине нескольких красавцев-драгун, томно развалившихся на скамейках. Сквозь листву серебром поблескивала вашингтонская Мемориальная арка, а вдаль, на восточном краю площади, возвышались серые каменные казармы драгун и белые гранитные конюшни артиллерии, полные света и движения.

Я посмотрел в другую сторону – туда, где стоял Дворец Смерти. Кучка зевак еще медлила у позолоченной ограды, но на дорожках никого не было. Я глядел, как искрится и переливается в фонтанах вода. Воробьи уже обнаружили новый уголок для купания – маленькие пыльные комочки перьев облепили каменные чаши. Два или три белых павлина ходили по лужайкам, а серый голубь так неподвижно сидел на руке одной из мойр, что казался частью скульптурной группы.

Умиротворенный видом, я уже хотел отвернуться, когда мое внимание привлекло легкое волнение в толпе у ворот. Внутри ступил юноша и быстро, неверными шагами двинулся по песчаной дорожке, ведущей к бронзовым дверям Дворца Смерти. Стоило ему на секунду остановиться перед мойрами и едва поднять голову, чтобы посмотреть в их загадочные лица, как голубь сорвался со своего скульптурного насеста и, сделав круг, полетел на восток. Молодой человек прижал ладони к лицу, а затем со странным жестом взбежал по мраморным ступеням, и бронзовые двери закрылись за ним. Через полчаса любопытные разбрелись, и испуганный голубь вернулся на руку мойры.

Я надел шляпу и отправился в парк немного прогуляться перед обедом. Когда я шел по центральному проспекту, меня обогнала группа офицеров. Один из них сказал:

– Здравствуй, Хилдред! – И вернулся, чтобы пожать мне руку.

Это был мой кузен Луис. Он стоял передо мной, улыбаясь и постукивая кончиком хлыста по шпорам.

– Я только что из Уэстчестера, – сказал он. – Вел сельскую жизнь: молоко, творог, знаешь ли, и молочницы в летних шляпках; говорят «привет» и «я так не думаю», если говоришь, что они прелестны. Я просто умираю – так хочу набить брюхо в Дельмонико. Какие новости?

– Никаких, – мягко ответил я. – Я видел прибытие твоего полка этим утром.

– Правда? Я тебя не заметил. Где ты стоял?

– У окна мистера Уайльда.

– Проклятье! – с жаром начал он. – Этот человек полностью помешан! Не знаю, зачем ты...

Тут Луис увидел, как я раздосадован его вспышкой, и попросил прощения.

– Правда, старина, – сказал он. – Мне не хотелось бы плохо говорить о твоём друге, но я никак не могу понять, какого дьявола ты нашел в мистере Уайльде. Его манеры оставляют желать лучшего, если честно. Он отвратительно изуродован. Его голова – голова психопата. Сам знаешь, он был в лечебнице...

– Я тоже, – тихо прервал я.

Луис на миг застыл, пораженный и смущенный, но быстро оправился и хлопнул меня по плечу.

– Тебя полностью вылечили, – начал он, но я снова остановил его:

– Думаю, ты хотел сказать: просто все поняли, что я никогда не болел.

– Конечно, я об этом и говорил. – Он засмеялся.

Мне не понравился его смех: очевидно, неискренний, но, весело кивнув, я спросил, куда они направляются. Луис взглянул на собратьев-офицеров, которые к тому времени почти достигли Бродвея.

– Мы хотели продегустировать коктейль «Брансвик», но, сказать по правде, я ищу повода навестить Хауберка. Пойдем, будешь моим оправданием.

Мы застали старого оружейника одетым в новый весенний костюм. Он стоял в дверях лавочки и нюхал воздух.

– Я только что решил прогуляться с Констанцией перед ужином, – отвечал он на шквал вопросов Луиса. – Мы думали пройтись в парке вдоль Нортривер.

В этот момент на улицу вышла Констанция и, сперва побледнев, зарделась, стоило Луису склониться над ее затянутой в перчатку ручкой. Я попытался уйти, сославшись на встречу на окраине города, но Луис и Констанция не слушали, и мне стало ясно: предполагалось, что я останусь и развлеку Хауберка. Между прочим, это отличный шанс присмотреться к Луису, подумалось мне, и, когда они окликнули конку на Спринг-стрит, я последовал за ними и сел рядом с оружейником.

Прекрасная линия парков и гранитных террас над пристанями Норт-ривер, возводимая с 1910-го по осень 1917-го, стала одним из самых популярных мест для прогулок в городе. Она простиралась от батареи до 190-й улицы, вздымаясь над славной рекой, предлагая чудесный вид на побережье Джерси и горы напротив. Среди деревьев были разбросаны кафе и рестораны, и дважды в неделю оркестры гарнизона играли на открытых эстрадах у парапета.

Мы сели на залитую солнцем скамейку у подножия конной статуи генерала Шеридана. Констанция наклонила зонтик, чтобы защитить глаза, и они с Луисом начали тихий разговор, который невозможно было разобрать. Старый Хауберк, опершись на трость с набалдашником из слоновой кости, закурил превосходную сигару, предложил мне такую же, но я вежливо отказался. Он рассеянно улыбнулся. Солнце низко висело над лесами Статен-Айленда, и на поверхности залива играли золотые блики, отражавшиеся от нагретых солнцем парусов, которые заполнили гавань.

Бриги, шхуны, яхты, неповоротливые паромы с кучей народа на борту, баржи, на палубах которых выстроились рядами коричневые, синие и белые товарные вагоны, важно гудящие парходы, устаревшие сухогрузы, каботажные и устричные суда, шаланды, а меж ними наглые маленькие буксиры, раздражающие всех свистом и пыhtением, – вот, сколько хватало глаз, корабли, вспенивавшие воды, переливавшиеся на солнце. Противопоставляя покой сумятице парусников и парходов, на середине реки застыл белый военный флот.

Смех Констанции отвлек меня от грез.

– На что вы смотрите? – поинтересовалась она.

– Так... на корабли. – Я улыбнулся.

Тогда Луис назвал нам каждое судно, избрав в качестве ориентира старый Красный Форт на Говернорсе.

– Эта игрушка в форме сигары – торпедоносец, – объяснял он. – Рядом еще четыре: «Тарпон», «Сокол», «Морская лисица» и «Осьминог». Канонерские лодки чуть выше – «Принстон», «Шамплейн», «Тихие воды» и «Эри». Еще выше – крейсера «Фарагут» и «Лос-Анджелес», за ними линкоры «Калифорния» и «Дакота» и наш флагман «Вашингтон». Те два металлических бочонка, что стоят на якоре у замка Уильям, – двухбашенные мониторы «Ужасный» и «Великолепный», между ними – таранное судно «Оцеола».

Констанция посмотрела на Луиса; ее прекрасные глаза сияли от восхищения.

– Как вы умны для солдата, – сказала она, и мы дружно рассмеялись.

Вскоре Луис поднялся и, кивнув нам, предложил руку Констанции. Они медленно пошли по дамбе. Хауберк с секунду смотрел им вслед, а затем повернулся ко мне.

– Мистер Уайльд был прав, – сказал он. – Я нашел пропавшие бедренные щитки и левый набедренник «Гербовых лат Принца» на мерзком, полном отбросов чердаке на Пелл-стрит.

– Дом девятьсот девяносто восемь? – поинтересовался я с улыбкой.

– Да.

– Мистер Уайльд очень умен, – заметил я.

– Я хочу признать его заслуги в обнаружении этого сокровища, – продолжал Хауберк. – Да будет всем известно, что именно он заслуживает почестей.

– Не ждите от него благодарности, – ответил я резко. – Пожалуйста, молчите об этом.

– Вы знаете, сколько стоит эта находка? – спросил оружейник.

– Нет. Пятьдесят долларов?

– Примерно пятьсот, но владелец «Гербовых лат Принца» отдаст две тысячи тому, кто соберет доспехи. Эта награда также принадлежит мистеру Уайльду.

– Она ему не нужна! Он отказывается! – разъяренно ответил я. – Что вы знаете о мистере Уайльде? Деньги его не интересуют. Он уже богат или станет богаче всех на свете, исключая меня. И что мы будем делать с нашими деньгами... что мы будем делать, он и я, когда... когда...

– Когда что? – настаивал потрясенный Хауберк.

– Увидите, – пообещал я, взяв себя в руки.

Он пристально посмотрел на меня, как часто делал доктор Арчер. Я знал: ему кажется, что я болен. На его счастье, в тот миг он не назвал меня безумцем. – Нет, – ответил я на невысказанный вопрос, – я не помешался и мыслю так же здраво, как мистер Уайльд. Не хочу раскрывать свои карты, но мой план принесет мне не только золото, серебро и драгоценные камни. Он послужит благу и процветанию всего континента, даже полушария!

– О, – только и сказал Хауберк.

– В конце концов, – продолжал я чуть тише, – он осчастливит весь мир.

– И, между прочим, вас с мистером Уайльдом?

– Именно. – Я улыбался, хотя за тон, с которым он задал этот вопрос, мне хотелось удивить его.

Некоторое время он молча смотрел на меня, а потом сказал очень мягко:

– Почему бы вам не отложить книги и занятия, мистер Кастейн, и не побродить по горам? Помните, вам нравилось рыбачить. Поймайте пару форелей в Рэнгли.

– Рыбалка меня больше не интересует, – ответил я без тени раздражения в голосе.

– Раньше вы интересовались всем на свете, – продолжал он, – атлетикой, парусным спортом, стрельбой, верховой ездой...

– Я не езжу верхом со времен моего падения, – тихо сказал я.

– Ах да, ваше падение, – повторил он, отводя взгляд.

Я подумал, что болтовня зашла слишком далеко, и вернул разговор к мистеру Уайльду, но старик вновь принялся изучать мое лицо в манере чрезвычайно для меня оскорбительной.

– Мистер Уайльд, – повторил он. – Знаете, что он сделал этим вечером? Спустился и приколотил вывеску над входной дверью, рядом с моей. Она гласит:

Мистер Уайльд,

Реставратор репутаций.

Третий звонок.

Вы знаете, что это значит?

– Да, – ответил я, подавляя вспыхнувшую во мне ярость.

– О, – вновь сказал он.

Луис и Констанция медленно подошли к нам и спросили, не присоединимся ли мы к их прогулке. Хауберк посмотрел на часы. В этот момент облако дыма вырвалось из глубин замка Уильяма, и эхо залпа при спуске флага пронеслось по волнам, отразившись от гор напротив. Флаг съезжал по древку, на белых палубах военных кораблей заиграл горн, и первые электрические огни засияли на побережье Джерси.

Возвращаясь с Хауберком в город, я слышал, как Констанция что-то шептала Луису, но не разобрал слов. Впрочем, Луис так же тихо ответил: «Моя дорогая», и вновь, шагая с Хауберком впереди, я уловил еле слышное «милая» и «моя Констанция» и понял, что время для важного разговора с моим кузеном Луисом почти пришло.

III

Однажды майским утром я стоял в своей спальне перед стальным сейфом, примеряя золотую, украшенную драгоценностями корону. Бриллианты вспыхнули, стоило мне повернуться к зеркалу, и тяжелое золото засияло над моей головой огненным нимбом. Я вспомнил отчаянный крик Камиллы и ужасные слова, прокатившиеся эхом по туманным улицам Каркозы. То были последние строки первого акта, и я не смел думать, что последует за ними, не смел даже в лучах весеннего солнца, в своей комнате, в привычной обстановке, успокоенный уличным шумом и голосами слуг в передней, ибо те отравленные слова запали мне в душу – так смертный пот медленно пропитывает простыни в постели обреченного. Дрожа, я снял корону с головы, отер чело и подумал о Хастуре и моих законных правах. Мне вспомнился мистер Уайльд, каким я оставил его: кровавое лицо, исцарапанное когтями адской твари, и его обещания... ах, его обещания. Резкий звон вырвался из глубины сейфа, и я понял – время истекло, но не внял ему и, вновь надев сверкающую корону, дерзко повернулся к зеркалу. Долго я стоял неподвижно, поглощенный меняющимся выражением собственных глаз. Зеркало отражало лицо, похожее на мое, но настолько бледное и истощенное, что его обладателя трудно было узнать. Все это время я повторял сквозь сжатые зубы: «День настал! День настал!», пока сигнал в сейфе звенел, не смолкая, а бриллианты искрились и пламенели над моим челом. Я слышал, как открылась дверь, но спохватился лишь, когда увидел в зеркале два лица, когда другой встал за моим плечом и чужие глаза встретились с моими. Резко развернувшись, я схватил с туалетного столика длинный нож. Мой кузен, белый как снег, отпрыгнул в сторону, крича:

– Хилдред! Ради бога! – Затем, когда я опустил руку, он сказал: – Это же я, Луис, разве ты не узнаешь меня?

Я замер – я не смог бы заговорить, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Он подошел и забрал у меня нож.

– Что все это значит? – мягко спросил он. – Ты болен?

– Нет, – ответил я.

Впрочем, сомневаюсь, что Луис меня услышал.

– Пошевеливайся, старина, – гудел он, – снимай эту медную безделушку, и пойдем в кабинет. Ты собираешься на маскарад? Зачем тебе эта мишура?

К счастью, он решил, что корона сделана из меди и стекляшек, что, впрочем, было даже к лучшему. Я дал ему поддержать убор, зная, что это вполне его успокоит. Луис подбросил роскошный венец в воздух и, поймав, с улыбкой повернулся ко мне.

– Ерунда за пятьдесят центов, – провозгласил он. – Зачем она тебе?

Я не ответил, но забрал корону у него из рук и, поместив ее в сейф, закрыл тяжелые стальные дверцы. Адский звон сразу оборвался. Кузен с любопытством наблюдал за мной, но, кажется, не заметил внезапного отключения сигнализации. Впрочем, он уподобил сейф коробке из-под бисквитов. Опасаясь, как бы Луис не подглядел секретный код, я повел его в кабинет. Луис упал на софу и начал бить мух хлыстом, с которым не расставался. Он был в драгунской форме – украшенной лентами куртке и фуражке с кружевом, – и я заметил, что его сапоги сплошь забрызганы красной грязью.

– Где ты был? – поинтересовался я.

– Скакал по разлившимся ручьям в Джерси, – ответил он. – Решил не переодеваться, так хотел увидеть тебя. Не угостишь ли стаканчиком? Я смертельно устал: провел сутки в седле.

Я налил ему бренди из моих медицинских запасов. Луис выпил его, гримасничая.

– Отвратительно, – заключил он. – Я дам тебе адрес, где продают настоящий бренди.

– Мне сгодится и этот, – безразлично ответил я. – Я растираю им грудь.

Он прищурился и убил еще одну муху.

– Послушай, старина, – начал он. – Я должен тебе кое-что сказать. Уже четыре года ты сидишь здесь один как сыч, никуда не выходишь, не занимаешься спортом, ни черта не делаешь, только слепнешь из-за этих книг над камином.

Луис оглядел полки.

– Наполеон, Наполеон, Наполеон, – повторял он. – Ради всего святого! У тебя что, нет других книг?

– Хотелось бы мне, чтобы эти были оправлены в золото, – ответил я. – Но постой, у меня есть еще одна книга, «Король в Желтом».

Я смотрел ему прямо в глаза.

– Ты никогда не читал ее? – поинтересовался я.

– Читал? Слава богу, нет! Я не хочу сделаться сумасшедшим.

Было ясно, он пожалел о своих словах, едва их произнес. Есть лишь одно слово, которое я ненавижу больше, чем «безумец», и слово это – «сумасшедший». Но я сохранил спокойствие и спросил его, почему он думает, что «Король в Желтом» опасен.

– Ох, даже не знаю, – поспешно ответил Луис. – Просто помню шумиху вокруг книги, как ее осуждали духовенство и пресса. Автор, породивший эту мерзость, застрелился, разве не так?

– Как я понимаю, он все еще жив, – заметил я.

– Может, ты и прав, – пробормотал он. – Пулей дьявола не возьмешь.

– Это книга великих откровений, – сказал я.

– Да, – ответил Луис, – «откровений», которые сводят людей с ума и разрушают их жизни. Говорят, «Король в Желтом» – непревзойденный шедевр, но мне плевать на это. Создать такую книгу – преступление, и я, например, никогда ее не открою.

– Ты пришел, чтобы сообщить мне об этом? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил он. – Чтобы сказать, что собираюсь жениться.

На миг мне показалось, что мое сердце перестало биться. Я не сводил глаз с его лица.

– Да, – продолжал он, радостно улыбаясь, – жениться на самой прелестной девушке на свете.

– На Констанции Хауберк, – механически произнес я.

– Откуда ты знаешь? – потрясенно вскричал он. – Ведь я и сам не знал о том – до того апрельского вечера, когда мы гуляли по набережной.

– Когда же будет свадьба? – спросил я.

– Предполагалось, что в сентябре, но час назад пришла депеша: наш полк перебрасывают в Пресидио, Сан-Франциско. Мы отправляемся завтра в полдень. Завтра, – повторил он, – только подумай, Хилдред, завтра я буду самым счастливым человеком из всех когда-либо рожденных в нашем радостном мире, ведь Констанция поедет со мной.

Я протянул ему руку, чтобы поздравить, и Луис пожал ее, крепко как добросердечный дурак, каковым он и был или притворялся.

– В честь свадьбы я получу эскадрон, – трещал он. – Капитан и миссис Луис Кастейн, а, Хилдред?

Затем он сказал мне, где это случится и кто приглашен, а также заставил меня пообещать, что я приду и буду шафером. Сжав зубы, я слушал его ребяческую болтовню, не выдавая охвативших меня чувств, но... мое терпение таяло, и, когда он вскочил, щелкнув шпорами так, что они зазвенели, и заметил, что ему пора, я не стал его задерживать.

– Хочу попросить тебя только об одном, – тихо сказал я.

– Выкладывай, все сделаю, – засмеялся он.

– Нам нужно встретиться сегодня минут на двадцать, поговорить.

– Конечно, раз ты этого хочешь, – ответил он, удивляясь. – Где?

- Где угодно, хотя бы в парке.
- Когда, Хилдред?
- В полночь.
- Что, во имя... – начал было Луис, но пересилил себя и со смехом согласился.

Я наблюдал, как он спускается по лестнице и спешит прочь – сабля звенит на каждом шагу. Кузен повернул на Бликер-стрит, и мне стало ясно, он решил навестить Констанцию. Я дал ему десять минут форы и последовал за ним, прихватив с собой украшенную драгоценностями корону и шелковую мантию с вышитым на ней Желтым Знаком. Свернув на Бликер-стрит, я вошел в дом под вывеской:

Мистер Уайльд,

Реставратор репутаций.

Третий звонок.

Я видел старого Хауберка, суетившегося в лавке, и будто бы различил голос Констанции в прихожей, но, избегая встречи с ними, бросился по шаткой лестнице в квартиру мистера Уайльда и, постучав, вошел без всяких церемоний. Мистер Уайльд лежал на полу и стонал: лицо окровавлено, одежда изодрана в клочья. Пятна крови усеивали ковер, который превратился в лохмотья, также пострадав в недавней битве.

– Всею виной проклятая кошка, – сказал реставратор, сдерживая стоны и обратив ко мне бесцветный взгляд. – Набросилась, пока я спал. Думаю, она еще убьет меня.

Это было уже слишком, так что я отправился на кухню и, взяв из кладовой топор, принялся искать адскую тварь, дабы прикончить ее на месте. Поиски были тщетными, и некоторое время спустя я вернулся к мистеру Уайльду, который уже горбился в своем высоком кресле у стола. Он умылся и переоделся. Страшные царапины, оставленные на лице кошачьими когтями, реставратор заполнил коллодием, какая-то тряпка скрывала рану на горле. Я сказал ему, что убью кошку, как только найду, но он лишь покачал головой и обратился к распахнутому перед ним грессбуху. Одно за другим, мистер Уайльд читал имена людей, приходивших к нему из-за репутаций. Собранные суммы потрясали воображение.

- Я подкручиваю гайки время от времени, – объяснил он.
- Однажды кто-нибудь из этих людей убьет вас, – настаивал я.
- Вы так думаете? – спросил он, потирая свои изувеченные уши.

Спорить с ним было бесполезно, и я взялся за рукопись, озаглавленную «Императорская династия Америки», понимая, что изучаю ее в кабинете мистера Уайльда в последний раз. Я читал, волнуясь и дрожа от наслаждения. Когда я закончил, мистер Уайльд забрал рукопись и, повернувшись к темному коридору, соединявшему спальню и кабинет, громко позвал:

– Вэнс!

Тогда я впервые заметил человека, скорчившегося среди теней. Ума не приложу, как смог проглядеть его, пока искал кошку.

– Подойди, Вэнс! – закричал мистер Уайльд.

Тень поднялась и, пресмыкаясь, двинулась к нам. Я никогда не забуду лица, которое разглядел в дневном свете.

– Вэнс, это мистер Кастейн, – сказал мистер Уайльд.

Не успел он договорить, как человек бросился на пол перед столом, крича и задыхаясь:

– О боже! О боже мой! Помогите мне! Простите меня! О мистер Кастейн, держите этого человека подальше. Вы не можете, не можете этого желать! Вы – другой, спасите меня! Я сломлен... был в лечебнице и теперь... когда все стало налаживаться... когда я забыл Короля... Короля в Желтом... но я снова схожу с ума... схожу с ума...

Его голос оборвался приглушенным хрипом, ибо мистер Уайльд прыгнул ему на спину, обхватив горло бедняги правой рукой. Когда Вэнс сполз на пол бесформенной кучей, реставратор вновь проворно вскарабкался в свое кресло и, растирая изувеченные уши костяшками пальцев, повернулся ко мне и попросил передать грассбух. Я снял книгу с полки, и он открыл ее. Мгновенно пролистав исписанные каллиграфическим почерком страницы, мистер Уайльд самодовольно кашлянул и указал на нужное имя.

– Вэнс, – громко читал он, – Осгуд Освальд Вэнс.

Услышав это, человек на полу поднял голову и повернул к реставратору подергивающееся лицо. Его глаза налились кровью, губы распухли.

– Заходил двадцать восьмого апреля, – продолжал мистер Уайльд. – Профессия – кассир в Национальном Сифортском банке, отбывал срок за подделку денег в тюрьме Синг-Синг, откуда переведен в лечебницу для душевнобольных преступников. Амнистирован губернатором Нью-Йорка и освобожден из лечебницы девятнадцатого января тысяча девятьсот восемнадцатого года. Репутация испорчена в Шипсхед-Бэй. Ходят слухи, что он живет не по средствам. Репутация должна быть восстановлена немедленно. Гонорар тысяча пятьсот долларов. Заметка: растратил примерно тридцать тысяч долларов с двадцатого марта тысяча девятьсот девятнадцатого года, прекрасная семья и, благодаря влиянию дяди безоблачное настоящее. Отец – президент Сифортского банка.

Я взглянул на простертого на полу человека.

– Поднимайся, Вэнс, – мягко проговорил мистер Уайльд, и тот встал словно сомнамбула. – Он сделает, как мы скажем, – заметил реставратор и, открыв рукопись, прочел всю историю Императорской династии Америки.

Затем ласковым шепотом повторил самое главное застывшему перед ним бедняге: его глаза были совершенно пусты, и я вообразил, будто он окончательно помешался, о чем и сказал мистеру Уайльду, услышав в ответ, что это уже не важно. Чрезвычайно терпеливо мы объясняли Вэнсу, в чем состоит его вклад в общее дело, и некоторое время спустя он, кажется, понял. Мистер Уайльд рассуждал о рукописи, обращаясь к ряду трудов по геральдике, чтобы подтвердить результаты своих исследований. Он упомянул возникновение династии в Каркозе, озера, соединившие Хастур, Альдебаран и тайну Гиад. Говорил о Кассильде и Камилле и коснулся туманных бездн Демхе и вод озера Хали.

– Лохмотья Короля, лентами реющие на ветру, должны скрывать Ихтилл вечно, – прошептал он, но я не был уверен, что Вэнс услышал его.

Шаг за шагом реставратор вел его разветвлениями геральдического древа императорской семьи к Уоту и Талю, от Наотальбы и Призрака Правды к Альдону и затем, отбросив рукопись и заметки, начал дивную историю о Последнем Короле. В сильном волнении, во власти неведомых чар я наблюдал за ним. Он вскинул голову, его длинные руки распахнулись в жесте, исполненном величия и силы, в глубине глаз будто вспыхнули два изумруда. Вэнс ошеломленно внимал. Когда же мистер Уайльд закончил рассказ и, указав на меня, выкрикнул: «Вот – кузен Короля!», я почувствовал головокружение от восторга.

Прилагая нечеловеческие усилия, дабы оставаться спокойным, я объяснял Вэнсу, почему я один достоин короны, а моему кузену суждено отправиться в изгнание или умереть. Я удостоверился, что он понял: Луис никогда не должен жениться, даже отказавшись от престола, тем более на дочери маркиза Эйвоншира. Это стало бы катастрофой для Англии. Я показал ему список из тысячи имен, подготовленный мистером Уайльдом. Каждый человек в списке

получил Желтый Знак, которым не смеет пренебречь ни одна живая душа. Город, штат, весь мир были готовы восстать, трепеща перед Бледной Маской.

Время пришло, люди должны узнать сына Хастура, а земля – склониться пред черными звездами, висящими в небе над Каркозой.

Вэнс облокотился на стол, сжав голову руками. Мистер Уайльд набрасывал что-то огрызком карандаша на краешке вчерашней «Геральд». Это был план комнат Хауберка. Потом он написал приказ и приложил к бумаге печать. Трясаясь от волнения, как эпилептик, я поставил имя и титул – «ХилдредРех»² под первым изъяснением своей королевской воли. Мистер Уайльд проворно спустился на пол и, отперев шкаф, достал с первой полки большую квадратную коробку, положил ее на стол и открыл. Новый нож покоился в оберточной бумаге, я взял его и протянул Вэнсу вместе с приказом и планом комнат Хауберка. Потом мистер Уайльд разрешил ему уйти, и он поплелся, волоча ноги, будто пьяница из трущоб.

Некоторое время я сидел, глядя, как гаснет день за квадратной башней Мемориальной церкви Джадстона, но наконец, взяв рукопись, заметки и шляпу, направился к двери.

Реставратор молча смотрел мне вслед. В коридоре я обернулся. Мистер Уайльд все еще сверлил меня взглядом. За его спиной медленно сгущались тени. Я закрыл дверь и вышел на сумеречные улицы.

Я ничего не ел с самого утра, но мне и не хотелось. Какой-то жалкий, полумертвый от голода бродяга, стоявший на углу и взиравший на Дворец Смерти, заметил меня и подошел, чтобы рассказать о своих бедствиях. Я дал ему денег, сам не знаю отчего, и он отошел, не поблагодарив. Через час рядом появился еще один нищий и проямлил свою историю. В моем кармане оставался клочок бумаги с выведенным на нем Желтым Знаком, и я отдал его бедняге. Несколько мгновений он тупо смотрел на листок, а затем, наградив меня странным взглядом, чрезвычайно бережно свернул его и спрятал в нагрудном кармане.

Электрические огни мерцали среди деревьев, над Дворцом Смерти сияла молодая луна. Ждать на площади было утомительно, и, прогулявшись от Мраморной арки до артиллерийских конюшен, я вернулся назад, к фонтану с лотосами. Запах цветов и трав тревожил меня. Струя фонтана серебрилась в лунном свете, нежный плеск капель напоминал звон кольчуги в лавке Хауберка. Впрочем, этот звук не пленял меня, а бледный луч, скользивший по воде, не рождал в душе того дивного наслаждения, с которым я глядел, как солнце играет на полированной стали на коленях у Хауберка. Я следил за кружением летучих мышей над лотосами в чаше фонтана, но их быстрые, судорожные движения действовали мне на нервы, и я вновь принялся бесцельно бродить среди деревьев.

В артиллерийских конюшнях царилась ночь, но в казармах кавалерии сияли офицерские окна, а в воротах то и дело появлялись затянутые в форму драгуны – с охапками соломы, сбруей или корзинами, полными жестяной посуды.

Пока я гулял по асфальтовой дорожке, конный караул сменился дважды. Я посмотрел на часы. Время почти пришло. Огни в казармах гасли один за другим, решетка на воротах опустилась, и каждую минуту или две какой-нибудь офицер, выходя из боковой калитки, наполнял ночь звоном шпор и бряцаньем сабли. На площади стало очень тихо. Последних бродяг разогнал одетый в серое парковый полисмен, автомобильные дорожки вдоль Вустер-стрит опустели, и тишину нарушали только поступь лошади часового и лязг его сабли о лук седла. Комнаты офицеров еще были освещены, и военнослужащие сновали под эркерами. Полуночный звон полетел от нового шпиля Св. Франциска Ксавье, и с последним ударом скорбно звучавшего колокола из калитки у зарешеченных ворот вышел человек, отсалютовал часовому, перешел улицу и, оказавшись на площади, направился к многоквартирному дому Бенедик.

– Луис! – позвал я.

² Rex (лат.) – король.

Он повернулся на каблуках со шпорами и подошел ко мне:

– Это ты, Хилдред?

– Да, ты вовремя.

Он подал мне руку, и мы побрели в сторону Дворца Смерти.

Он без умолку тарахтел о своей свадьбе, прелестях Констанции и планах на будущее, хвастался капитанскими погонами и тройной золотой арабеской на рукаве и фуражке. Кажется, мелодичный звон его шпор и бряцанье сабли занимали меня больше, чем эта ребяческая болтовня. Наконец мы остановились под вязами на углу Четвертой улицы, напротив Дворца Смерти. Тогда он рассмеялся и спросил, в чем, собственно, дело. Я предложил ему сесть на скамейку под фонарем и сам опустился рядом. Он посмотрел на меня с любопытством, наградив тем самым пристальным, ненавистным мне взглядом, которого я так боялся у докторов. Он оскорбил меня, но не понял этого, и я тщательно скрыл свои чувства.

– Итак, старина, – настаивал он, – что я могу для тебя сделать?

Я достал из кармана рукопись и заметки об Императорской Династии Америки и, глядя ему в глаза, проговорил:

– Сейчас скажу. Дай мне слово солдата, что прочтешь эту рукопись от начала до конца, ни о чем не спросив. Обещай прочитать и эти заметки и выслушать то, что я тебе открою, не перебивая.

– Хорошо, если ты этого хочешь, – любезно согласился он. – Давай мне бумаги, Хилдред.

Он принялся за документ, иронично приподняв брови. Меня затрясло от еле сдерживаемого гнева. По мере чтения он нахмурился, а на губах застыло слово «чушь».

Луис заскучал, но продолжал читать ради меня, с трудом изображая интерес. Он остановился, увидев на плотно исписанных страницах собственное имя, а дойдя до моего, опустил бумаги и с секунду пристально смотрел на меня, но все же сдержал слово, и я позволил едва не заданному вопросу умереть у него на губах. Наконец, взглянув на подпись мистера Уайльда, он аккуратно сложил рукопись и вернул ее мне. Я протянул ему заметки, и Луис откинулся на спинку скамейки, сдвинув на лоб фуражку ребяческим жестом, который я отлично помнил по школе. Я следил за его лицом, пока он читал, и, стоило ему закончить, взял заметки и рукопись и убрал их в карман. Затем я развернул свиток с изображением Желтого Знака. Луис видел его, но, похоже, не узнал, и я потребовал присмотреться получше.

– Да, – сказал он, – я вижу. Что это?

– Желтый Знак! – гневно произнес я.

– А, так вот он какой, – сказал Луис ласковым голосом, каким обычно обращался ко мне доктор Арчер – и так и продолжал бы, не рассчитавшись я с ним.

Подавив гнев, я спросил так спокойно, как только мог:

– Луис, ты ведь сдержишь слово?

– Я слушаю, старина, – мягко ответил он.

Я начал говорить, очень тихо:

– Доктор Арчер неким образом проник в тайну имперского престолонаследия и пытался лишить меня прав, утверждая, что из-за падения с лошади четыре года назад я помешался. Он хотел оставить меня в своем доме грез – свести с ума или отравить. Я этого не забыл. Прошлой ночью я навестил его, и эта наша встреча была последней.

Луис страшно побледнел, но не шелохнулся.

Торжествуя, я продолжал:

– Во имя наших с мистером Уайльдом интересов необходимо побеседовать еще с тремя людьми: моим кузеном Луисом, мистером Хауберком и его дочерью, Констанцией.

Луис вскочил на ноги, я – тоже, выронив листок с Желтым Знаком.

– О, я не должен объяснять тебе мой приказ, – вскричал я с ликующим смехом. – Откажись от короны, отдай ее мне, ты слышишь, *мне!*

Луис взглянул на меня со страхом, но собрался и ласково сказал:

– Конечно, я отказываюсь от... от чего я должен отказаться?

– От короны! – гневно произнес я.

– Конечно, – ответил он, – я отказываюсь от нее. Пойдем, старина, я провожу тебя до дома.

– Не надо этих докторских штучек! – вскричал я, дрожа от ярости. – Не обращай со мной как с больным.

– Не говори ерунды, – ответил он. – Пойдем, уже поздно, Хилдред.

– Нет! – закричал я. – Слушай меня! Тебе нельзя жениться, я запрещаю это! Ты слышишь? Запрещаю! Откажись от короны – и наградой тебе будет изгнание, воспротивись – и умрешь!

Он все еще пытался меня успокоить. Вне себя от ярости я вытащил длинный нож и преградил ему путь, а затем рассказал, каким найдут доктора Арчера – в подвале, с перерезанным горлом, – и, памятуя о Вэнсе, его ноже и подписанном мной приговоре, рассмеялся кузену в лицо.

– Да, ты – Король! – кричал я. – Но скоро я стану Королем! Кто ты такой, чтобы мешать мне править миром живых?! Я рожден кузеном Короля, но я буду Королем!

Луис стоял передо мной, бледен и недвижим. И тут по Четвертой улице пронесся какой-то человек, распахнул ворота Дворца Смерти, ринулся по дорожке к бронзовым дверям и с безумным криком исчез внутри. И я рассмеялся, я смеялся до слез, ибо узнал Вэнса, и понял, что Хауберк и его дочь больше не стоят у меня на пути.

– Уйди! – приказал я теперь Луису. – Ты перестал быть угрозой. Ты никогда не женишься на Констанции. Найдешь другую – в изгнании, и я навещу вас, как навещил доктора прошлой ночью. Мистер Уайльд позаботится о тебе завтра.

Я развернулся и бросился бежать по Пятой авеню. С криком ужаса Луис сбросил ремень и саблю и помчался за мной. Я слышал, как он нагоняет меня на углу Бликер-стрит, и метнулся под арку с вывеской Хауберка.

Луис заорал:

– Стой или буду стрелять! – Но, увидев, что я взлетел вверх по лестнице, прекратил погоню.

Я слышал, как он колотит в двери Хауберков и кричит, как будто это могло разбудить мертвых.

Дверь мистера Уайльда была открыта, и я вошел, провозгласив: «Свершилось! Свершилось! Пусть народы восстанут и узрят своего Короля!», но, не увидев реставратора, отправился в кабинет и достал из футляра роскошную корону. Затем облачился в белую шелковую мантию с вышитым на ней Желтым Знаком и водрузил корону на голову. Наконец-то я стал Королем, Королем именем Хастура, Королем, – ибо узнал тайну Гиад, а мой разум измерил бездны озера Хали. Я был Королем! В серых предрассветных сумерках поднимется буря, которая потрясет оба полушария. И вот, когда мои нервы звенели от напряжения, а голова кружилась от размаха и великолепия дум, из глубины темного коридора донесся стон.

Я схватил сальный огарок и прыгнул к двери. Кошка пронеслась мимо меня будто демон, и свечка погасла, но мой нож был проворнее этой твари. Раздался визг. Я понял, что не промахнулся, и слушал, как она дергается и бьется во тьме. Через несколько секунд агония прекратилась. Я зажег лампу и поднял ее над головой. Мистер Уайльд лежал на полу с разорванным горлом. Едва я решил, что он мертв, как зеленые искры вспыхнули во впалых глазах, изувеченные руки дернулись, судорога растянула рот от уха до уха. На миг на смену отчаянию и ужасу пришла надежда, но, едва я склонился к мистеру Уайльду, глаза его закатились, и он умер. И пока я стоял во власти гнева и скорби, созерцая мою корону, империю, амбиции и мечты – всю мою жизнь, поверженную во прах вместе с мертвым учителем, *они* набросились

на меня сзади и связали так крепко, что мои жилы вздулись как веревки. Я охрип от неистовых криков, но все еще боролся, разъяренный, истекающий кровью, и несколько полицейских выяснили, насколько остры мои зубы.

Затем, когда я уже не мог сопротивляться, они приблизились. Я видел Хауберка, а за его плечом – искаженное ужасом лицо моего кузена Луиса, и еще дальше, в углу комнаты, тихо плачущую девушку – Констанцию.

– А! Теперь ясно! – вскричал я. – Вы захватили трон и империю. Горе! Горе вам, увенчанной короной Короля в Желтом!

[Примечание редактора. Мистер Кастейн умер вчера в лечебнице для душевнобольных преступников.]

Маска

Камилла. Вы, господин, должны снять маску.

Незнакомец. В самом деле?

Кассильда. В самом деле, пришло время... Все сбросили их, все, кроме вас.

Незнакомец. На мне нет маски.

Камилла (в ужасе к Кассильде): Нет маски? Нет маски!

«Король в Желтом». Акт 1. Сцена 2.

I

Я слушал его заворуженно, хотя и совсем не знал химии. Он взял белую лилию, которую Женевьева принесла в то утро из Нотр-Дама, и бросил ее в чашу. Жидкость тут же утратила свою кристальную чистоту. Лилию окутала молочно-белая пена и, опав, придала раствору жемчужный блеск. Оранжево-алые переливы играли на поверхности, пока луч, яркий, как солнце, не ударил со дна, оттуда, где находился цветок. На мгновение он погрузил руку внутрь и достал лилию.

– Это не опасно, – объяснил он, – если выбрать нужный момент. Золотой луч служит сигналом.

Он положил цветок мне на ладонь. Тот превратился в камень, в белейший мрамор.

– Посмотри, – сказал он. – Само совершенство. Какой скульптор сможет передать такое?

В мраморе, чистом, как снег, голубели тонкие, будто нарисованные карандашом жилки, тень румянца медлила в лепестках.

– Не проси у меня объяснений. – Он улыбнулся, заметив мое удивление. – Я понятия не имею, почему жилки и сердцевина окрашены, с ними всегда так. Вчера я экспериментировал с одной из золотых рыбок Женевьевы. Вот она.

Рыбка казалась мраморной, но стоило поднести ее к свету – и в камне узорно засинели сосуды, а глубина замерцала розой и перламутром. Я посмотрел вниз. Жидкость вновь казалась кристально чистой.

– Что, если я ее коснусь?

– Не знаю, – ответил он. – Лучше не пробовать.

– Любопытно, – сказал я. – Откуда взялся тот солнечный луч?

– Действительно как будто солнечный. Он всегда появляется, когда я погружаю в жидкость нечто живое. А вдруг, – продолжал он с улыбкой, – это искра жизни, стремящаяся к своему источнику?

Я погрозил ему муштабелем³, но он лишь рассмеялся и сменил тему:

– Останься на ланч. Женевьева вот-вот вернется.

– Я видел, она шла к утренней мессе, – ответил я. – Свежая и прекрасная, как эта лилия, пока ты ее не испортил.

– Испортил? Так ты думаешь? – Борис помрачнел.

– Испортил, сохранил, трудно сказать.

Мы сидели в углу студии рядом с неоконченными «Мойрами». Он откинулся на софу, крутя резец в пальцах, снова и снова поглядывая на скульптуру.

– Кстати, – проговорил он, – я закончил старую, скучную «Ариадну» и, полагаю, отправлю ее в Салон. Она – все, что у меня сейчас есть, но после успеха «Мадонны», стыдно посылать такую безделицу.

«Мадонна» – мраморный шедевр, для которого позировала Женевьева, – была сенсацией прошлогодней выставки. Я рассматривал «Ариадну». Мастерское исполнение, и все же Борис оказался прав: от него ожидали большего. Увы, невозможно было и помыслить о том, чтобы закончить к открытию Салона восхитительную и ужасную группу, наполовину выступавшую из камня за моей спиной. «Мойрам» придется подождать.

Мы гордились Борисом Ивэйном. Считали своим – он говорил, что рожден в Америке, хотя его отец был французом, а мать – русской. Каждый в *Beaux Arts*⁴ звал его по имени. Но

³ Приспособление, которое используют живописцы, чтобы поддерживать ведущую руку при работе над мелкими деталями картины.

⁴ Букв.: «изящные искусства» (*франц.*). Национальная высшая школа изящных искусств в Париже.

лишь к двоим из нас он обращался с той же простотой – к Джеку Скотту и ко мне. Возможно, своей любовью к Женеьеве я заслужил его симпатию. Впрочем, мы этого никогда не обсуждали. После того как решение было принято и она со слезами на глазах сказала мне, что любит Бориса, я пошел к нему и поздравил с победой. Наша встреча была сердечной, что, впрочем, не обмануло никого из нас, и наша дружба осталась утешением для всех. Не уверен, что они с Женеьевой говорили об этой встрече, но Борис помнил о ней.

Женеьева была прелестна: ее лицо, безмятежное, какое и должно быть у Мадонны, наводило на мысли о Санктусе из «Мессы» Гуно. Впрочем, я всегда радовался, когда за этим настроением следовали, как мы говорили, «апрельские капризы». Она была изменчива, как апрель: утром – серьезная, величественная и нежная, в полдень – насмешливая и своенравная, а вечером от нее можно было ожидать чего угодно. Я предпочитал видеть ее такой, ибо небесная чистота ранила мое сердце. Я грезил о Женеьеве, когда Борис заговорил вновь:

– Что ты думаешь о моем открытии, Алек?

– Думаю, оно восхитительно.

– Я не стану им пользоваться, поверь, только удовлетворю любопытство насколько возможно. Тайна умрет вместе со мной.

– Это уничтожило бы скульптуру, разве не так? С возникновением фотографии мы, художники, потеряли все, чего достигли.

Борис кивнул, играя лезвием резца.

– Это новое ужасающее открытие повредит миру искусства. Нет, я никогда никому не открою своего секрета, – медленно сказал он.

Трудно было найти человека менее осведомленного, но я все же слышал о минеральных источниках, столь насыщенных кремнеземом, что листья и ветки, падавшие в воду, некоторое время спустя превращались в камень. Я примерно представлял себе, как кремнезем замещает растительную ткань, один атом за другим, до тех пор, пока вещь не становится своим каменным двойником, но никогда этим особо не интересовался. Древние окаменелости казались мне мерзкими. Борис, испытывая, по-видимому, любопытство, а не отвращение, провел некоторые исследования и изобрел раствор, который набрасывался на погруженную в него вещь с неслыханной яростью, за считанные мгновения проделывая работу, требовавшую в обычных обстоятельствах нескольких лет. Вот и все, что я смог понять из его странной истории. После долгого молчания он заговорил снова:

– Даже страшно подумать о том, что я обнаружил. Ученые сойдут с ума, едва узнают. Это было слишком просто: будто пришло извне. Лишь вспомню о той формуле и новом элементе, выпавшем в осадок на металлических весах...

– Каком новом элементе?

– О, я и не думал его называть, не уверен, что вообще стоит это делать. В мире и без того хватает драгоценных металлов, из-за которых режут глотки.

Я наострил уши:

– Ты нашел золото, Борис?

– Нет, лучше... Посмотри на себя, Алек! – засмеялся он, вскакивая. – У нас есть все, что ни пожелаем! Ах, каким зловещим и жадным ты уже кажешься!

Рассмеявшись в ответ, я признал, что жажда золота истерзала меня и лучше поменять тему, так что, когда пару минут спустя вошла Женеьева, мы забыли об алхимии.

Женеьева – с ног до головы – была в серебристо-сером. Свет заиграл на белокурых локонах, стоило ей подставить Борису щеку. Затем она увидела меня и ответила на приветствие. Прежде Женеьева никогда не забывала послать мне воздушный поцелуй, летящий, казалось, с самых кончиков ее белоснежных пальцев, и я тотчас пожаловался на это упущение. С улыбкой она протянула мне руку и тотчас опустила ее, почти коснувшись моей, а потом сказала, взглянув на Бориса:

– Попроси Алека остаться на ланч. – Это тоже было что-то новенькое: прежде она всегда обращалась ко мне сама.

– Уже, – ответил Борис.

– А ты согласился, надеюсь? – Она повернулась ко мне с очаровательной, официальной улыбкой, будто мы познакомились позавчера.

Я низко ей поклонился:

– Почту за честь, мадам.

Но, отказавшись поддержать наш обычный шуточный тон, она прошептала какую-то вежливую банальность и исчезла. Мы с Борисом обменялись взглядами.

– Не лучше ли мне вернуться домой, как думаешь? – спросил я.

– Черт его знает, – честно ответил он.

Пока мы обсуждали целесообразность моего ухода, Женестьева снова появилась в дверях, уже без шляпки. Она была на диво хороша, но ее щеки пылали, а прелестные глаза блестели слишком ярко. Она шагнула прямо ко мне и взяла меня за руку:

– Ланч готов. Я была резкой с тобой, Алек? Я думала, у меня мигрень, но ошиблась. Подойди, Борис. – Она обвила его локоть другой рукой. – Алек знает, что после тебя я никого в целом мире не люблю, как его, и мои капризы ему не страшны.

– Все к лучшему! – воскликнул я. – Кто сказал, что в апреле не бывает гроз?

– Вы готовы? – пропел Борис.

– Готовы! – И, держась за руки и распуская слуг, мы помчались в столовую.

Впрочем, стоило проявить снисхождение: Женестьева было восемнадцать, Борису – двадцать три, а мне еще не исполнилось двадцати одного.

II

Мое дело – украшение будуара Женевиэвы – удерживало меня в причудливом маленьком отеле на Рю Сен-Сесиль. В то время я и Борис трудились тяжело, но нерегулярно, нас как будто лихорадило, и порой целыми днями мы втроем, вместе с Джеком Скоттом, бездельничали.

Однажды тихим вечером я бродил по жилищу: рассматривал антиквариат, заглядывал в необычные уголки, вынимая засахаренные фрукты и сигары из странных потайных мест, пока наконец не остановился в ванной комнате. Борис, весь обмазанный глиной, стоял у раковины и мыл руки.

Вся комната была выложена розовым мрамором, за исключением пола, украшенного розово-серой мозаикой; в центре его можно обнаружить квадратный бассейн, в который вели ступени. Резные колонны поддерживали расписанный фресками потолок – дивный мраморный Купидон, казалось, только что опустился на одну из них. Этот интерьер мы придумали вместе – я и Борис. В рабочей одежде из белой парусины он счищал следы глины и модельного воска с прекрасных рук и, поглядывая в зеркало, любезничал с Купидоном.

– Я вижу тебя, – настаивал он, – не вздумай отворачиваться. Не притворяйся, что не замечаешь меня. Ты знаешь, кто создал тебя, плутишка!

Как всегда, я должен был озвучить мысли крылатого мальчика и, когда пришла моя очередь, ответил так, что Борис схватил меня за руку и потащил к бассейну, грозясь утопить. Внезапно он отпустил меня, побелев как мел.

– Боже мой, – проговорил он, – я забыл, что наполнил бассейн раствором!

Я вздрогнул и сухо посоветовал ему хорошенько запомнить, где хранится драгоценная жидкость.

– Ради всего святого, почему ты разлил озеро этой мерзости именно здесь?

– Хотел поэкспериментировать с чем-нибудь крупным, – ответил он.

– Со мной, например?

– Ах! Шутка зашла слишком далеко, но я хочу видеть, как раствор действует на более сложный организм... где-то тут был большой белый кролик, – добавил он, следуя за мной в мастерскую.

Тут к нам ввалился Джек Скотт в заляпанной краской куртке; попутно он присвоил все восточные сладости, до которых смог дотянуться. Джек ограбил портсигар и наконец исчез вместе с Борисом: они отправились в Люксембургскую галерею; там особого внимания художественной Франции требовали новая посеребренная бронза Родена и пейзаж Моне. Я вернулся в мастерскую и продолжил работу над ширмой эпохи Возрождения, которую Борис просил расписать для будуара Женевиэвы. Но мальчишка, и без того неохотно позировавший мне, на этот раз превзошел себя. Ему не сиделось на месте, и за пять минут мне пришлось сделать множество разных набросков маленького плута.

– Ты позируешь или пляшешь, друг мой? – спросил я.

– Как будет угодно, месье, – ответил он с ангельской улыбкой.

Конечно, я отпустил его и, разумеется, заплатил за весь день – так мы портили своих моделей.

Когда чертенок ушел, я украсил холст парой небрежных мазков, но был настолько не в настроении, что остаток вечера провел, исправляя сделанное. В конце концов я соскоблил краски с палитры, сунул кисти в чашу черного мыла и направился в курительную. Мне и правда казалось, что, исключая комнату Женевиэвы, в ней меньше всего пахнет табаком. Внутри царил хаос: разные диковины и потертые гобелены. Сладкозвучный старый спинет⁵, прекрасно отре-

⁵ Музыкальный инструмент, разновидность клавиесина.

ставрированный, стоял у окна. Вдоль стен тянулись стенды с оружием, частью древним и тусклым, частью современным и блестящим. Над каминной полкой висели фестоны индийских и турецких доспехов, рядом – пара хороших картин и стеллаж с трубками. Мы подходили к нему в поисках новых впечатлений. Думаю, там можно было найти любую трубку на свете. Выбрав одну, мы немедленно уносили ее куда-нибудь еще, чтобы опробовать. Курительная была самой мрачной комнатой в доме: впрочем, этим вечером в ней царил ласковый сумрак, мягкие темные оттенки мехов и кожи, лежащих на полу, навевали дремоту, большой диван усеивали подушки. Я свернулся среди них, желая выкурить трубку в столь непривычном месте. Я выбрал одну с длинным, гибким мундштуком, разжег ее и задумался. Вскоре она погасла, но мне было все равно. Я грезил и не заметил, как уснул.

Меня разбудила самая печальная музыка на свете. В комнате было темно, и я понятия не имел, который час. Лунный луч поблескивал на крышке старого спинета, полированное дерево, казалось, само источало звуки – так шкатулка для благовоний струит аромат сандала. Но вот во мраке двинулась чья-то фигура – человек поднялся и побрел прочь. По глупости своей я окликнул:

– Женестьева!

Услышав мой голос, она оступилась и упала. Проклиная себя, я зажег свет и попытался поднять ее на ноги. Она отшатнулась, застонав от боли, и тихо попросила позвать Бориса. Я отнес ее на диван и пошел за ним, но его не было в доме, а слуги уже легли. Смущенный и встревоженный я поспешил к Женестьеве. Она лежала там, где я ее оставил, и казалась очень бледной.

– Не могу найти ни Бориса, ни слуг, – сказал я.

– Знаю, – ответила она еле слышно, – Борис отправился на Эпт⁶ вместе с мистером Скоттом. Я забыла, когда послала тебя за ним.

– В таком случае он не вернется до полудня, а ты... тебе больно? Ты испугалась и упала из-за меня? Какой же я дурак, но... я и сам тогда еще не проснулся.

– Борис думал, что ты ушел перед обедом. Пожалуйста, прости, что оставили тебя одного так надолго. – Я долго спал, – засмеялся я. – Да так крепко, что не понял, проснулся ли, увидев приближающуюся тень, и назвал твое имя. Ты музицировала? Должно быть, ты играла очень тихо.

Я солгал бы еще тысячу раз, лишь бы видеть отразившееся на ее лице облегчение.

Она мило улыбнулась и сказала спокойным голосом:

– Алек, я споткнулась о голову этого волка и, думаю, потянула лодыжку. Пожалуйста, позови Мари и иди домой.

Я сделал, как она велела, и оставил ее, едва в комнату вошла служанка.

⁶ Река, правый приток Сены, по берегам которой тянутся поселения.

III

Навестив их в полдень, я застал Бориса в беспокойстве блуждающим по кабинету.

– Женестьева только что уснула. Растяжение – ерунда, но почему у нее такой жар? Доктор не может этого объяснить. Или не хочет, – ворчал он.

– Женестьева больна? – спросил я.

– Пожалуй, что так – она бредила всю ночь напролет. Только представь: веселая маленькая Женестьева, беззаботная, словно птичка, говорит, что ее сердце разбито и она хочет умереть!

Теперь уже мое сердце на миг остановилось.

Борис прислонился к двери мастерской, глядя под ноги: руки засунуты в карманы, добрый, оживленный взгляд затуманился, новые морщины пролегли у губ, «где прежде смех лишь оставлял следы»⁷. Служанка должна была позвать его, едва Женестьева откроет глаза. Мы все ждали, и Борис становился все беспокойнее, бродил по мастерской, разминая в пальцах модельный воск и красную глину. Внезапно он направился в другую комнату.

– Приблизься и узри мою розовую чашу, полную смерти! – вскричал он.

– Разве это смерть? – спросил я, чтобы поднять ему настроение.

– Думаю, ты не готов назвать это жизнью, – ответил он.

Говоря так, Борис вытащил из аквариума отчаянно бьющуюся золотую рыбку:

– Отправим и эту следом... куда бы то ни было, – сказал он с лихорадочным возбуждением в голосе.

⁷ Роберт Браунинг, «Андреа дель Сарто».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.